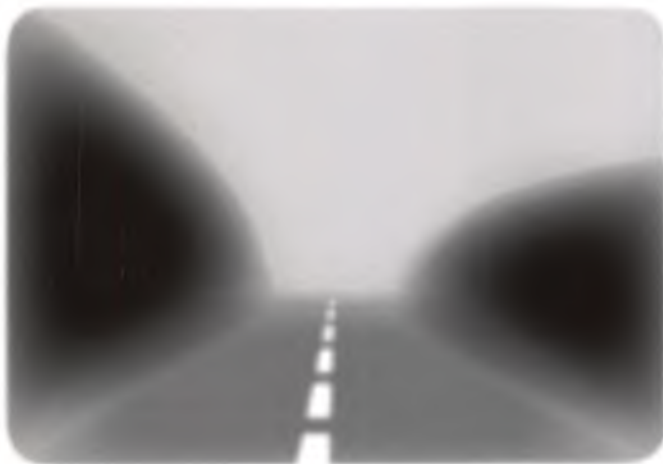

Павел Гутионтов

НЕ ВСЁ РЕЗКО

СОЮЗ ЖУРНАЛИСТОВ РОССИИ

Павел Гутионтов

НЕ ВСЁ РЕЗКО

Друзья, учителя, дружки, товарищи, коллеги

Москва 2013

*...Тем невозвратным днем,
Который там, в начале,
Мы пели об одном
И про одно молчали.*

.....

*Не все ль равно, с кого
Начнут виток маршрута?
Проснусь я от того,
Что близок был кому-то.*

*А место есть в степи —
И здесь, и остальное?
Нас только зацепи,
Потом не остановишь...*

*Александр Аронов
«Туннель». 1974*

Не всё резко

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ АВТОРА

Мне показалось, что в моем архиве скопилось изрядное количество фотопортретов людей, составляющих славу отечественной журналистики. И я решил поделиться со всеми желающими избранными экспонатами этой сама собой собравшейся коллекции.

Вот, собственно, и все.

Остались некоторые необходимые оговорки.

Ну, во-первых, я абсолютно не заблуждаюсь относительно непреходящей художественной ценности кадров, сделанных дилетантом недорогой мыльницей. Не талантом фотомастера поразить тщусь. Хотя, совершенно естественно, человеку свойственно более всего гордиться именно тем, чего он делать не умеет. Вот и я: однажды в своей книжке, пользуясь попустительством редактора, вынес несколько своих фотографий на форзацы. Мне самому это очень нравилось, и я даже рискнул подарить книжку великому фоторепортеру Вите Ахломову, более того — специально указал на то, чем он, на мой взгляд, должен был особенно восхититься. Мы сидели в ахломовском кабинете, Витя долго и хмуро рассматривал подаренное, потом тяжело вздохнул, залез в стол, достал свой фотоальбом, подписал.

«Пашенька, фотографировать все-таки учись»...

Боюсь, результатами исполнения этого доброго совета похвастаться я не смогу и сейчас.

Но, мне кажется, дело не в этом.

Мне хочется заблуждаться дальше и думать, будто вся эта любительщина все-таки представляет собой некую ценность — именно своей необязательностью, в том числе. Никто из героев книжки мне специально не позировал (чего бы ради!), но под этой обложкой я постарался отобрать неслучайный ряд неслучайных лиц, выстроившихся — строго по алфавиту — через немаловажный четвертьвековой кусок Российской истории. Которую многие из героев — в большей или меньшей степени — определяли.

И посмотрите — как много их, и это отнюдь не исчерпывающий список. Это только те, с кем мне посчастливилось вместе работать, дружить,

кем я почтительно восхищался, у кого пытался чему-то учиться. Причем, только те из них, кого я успел «щелкнуть», а потом не потерять «щелкнутое».

Многих из них уже нет, отснятое не переснимешь.

Нет Саши Аронова, Вадика Черняка, Толи Кобенкова, Боднарука, Голованова, Сизого, Щекочихина, Жадана, Жаворонкова, Бовина, Кондрашова, Хенкина, Евсеева, Романова, Шмыгановского. Феофанова...

Эта книжка, и для меня это немаловажно, дань (моя, личная) их памяти.

И дань памяти той великой журналистики, которую все они, и ушедшие, и ныне, слава Богу, живущие, так достойно представляли. Той журналистики, которая, как кое-кто надеется, умерла и не воскреснет.

Ну, это мы еще посмотрим!..

И последнее.

Найдутся люди, которые у меня, конечно, спросят:

А где в книжке твои молодые современники-коллеги? Где нынешние гении клавиатуры или, страшно сказать, телекамеры? Где их труд, восхищающий, говоря актуально, потребителя?

Во-первых, отвечу я, пишу — о чем и о ком знаю. А о том, что знаю о молодых современниках-коллегах, писать не хочу.

Мне и без них хорошо.

А без тех, о ком написал эту книжку, мне будет плохо.

Без некоторых из них, повторяю, мне плохо — уже.

АЛИК АБДУЛГАМИДОВ И РУСЛАН ГУСАРОВ

АЛИК АБДУЛГАМИДОВ

В ноябре 2011-го на церемонию вручения премий имени Артема Боровика махачкалинец Алик Абдулгамидов (получивший одну из главных наград за книгу «Новолакский рубеж») приехал в Москву вместе со своим героем — милицейским майором Нахаевым, начальником райотдела в 1999-м году. Тогда Нахаев возглавил оборону своего села от басаевцев, которым все наши замечательные спецслужбы позволили напасть на Дагестан — после долгой к этому нападению подготовки. Так вот,

вместе с местными милиционерами село защищали бойцы Липецкого ОМОНа, и Басаев предложил открыть коридор для выхода местных: «Нам нужны только русские». И Нахаев отказался, остался умирать вместе.

Три дня федералы неспешно подтягивали войска, за это время успели представить и дагестанского майора и командира липецких омовцев к званию Героя России — посмертно. А они — выжили! И Героев им не дали, ограничились орденами Мужества, которое оба проявили, и правда, полной мерой.

Зал аплодировал майору Нахаеву стоя.

А Алик со сцены сказал: «Как погибать — мы братья. А так — «хватит кормить Кавказ!»

И что возразишь?

Никто и не возразил.

РУСЛАН ГУСАРОВ

Спецкор НТВ, затем завбюро телекомпании по Северному Кавказу, в том числе и во время обеих чеченских войн. Я бы написал: горжусь дружкой, — но эти слова надо повторять практически о каждом из героев этой книжки.

НИКОЛАЙ АНДРЕЕВ

Когда-то его пригласили из «Комсомолки» на (как тогда считалось) большое повышение — в «Правду». Но уже через два месяца понял, что умирает от тоски, и написал заявление об уходе, а из «главной газеты

страны», надо сказать, в те времена по доброй воле не уходили. Так что заявление ему никто из начальников не подписывал, и добрался Андреев с ним до первого зама главного. И тот говорит Андрееву, что ж, мол, вы, Николай Алексеевич, у вас так все хорошо начинается, уже даже две публикации прошло, вы же должны понимать, что больше в «Правду» вас никогда не пригласят... «“Правда” хорошо, а счастье лучше», — ответил Андреев. Ворожейкин хмыкнул («Как вы сказали?..»), черкнул что-то на календарике, и Рыжий был отпущен.

С ним всегда что-то приключается.

В самом начале перестройки оказался Андреев в женском журнале с непредставимо огромным тиражом — заманивая туда, главный редактор пообещала дать квартиру («И представляешь, дура! Можно ли с такой работать? — говорил потом Андреев, уже с редактором рассорившийся. — Пообещала, и — дала!..»). А еще написал пьесу, и поставил эту пьесу театр в Новосибирске.

Поехал туда Андреев на премьеру. И заодно уж встретился с Татьяной Ивановной Заславской, и та наговорила ему статью для журнала.

А с главным редактором Андреев уже рассорился. И заявила главный редактор, что привез из Новосибирска антисоветскую статью он специально, чтобы подставить и журнал, и ее лично. Потребовала написать объяснительную и объявила выговор.

Андреев приходит, взбешенный, ко мне, а я уже работал в «Советской России», органе ЦК КПСС, между прочим, приносит эту самую статью Заславской. Давай напечатаем у вас, пусть она знает! А мне не нравится: какая-то, мол, статья у тебя получилась беззубая, не острая совсем... Андреев достает блокнот: вот она что еще говорила, давай вставлять. И мы вписали еще пару абзацев, позвонили в Новосибирск, Татьяна Ивановна абзацы завизировала... Ташу текст начальнику, доктору философии Михайлову, тот прочел и тоже без энтузиазма. Да, конечно, имя, то-се... Но могло бы быть и поострее... Но главному понес.

Доктору философии Ненашеву статья, наоборот, сразу оченьглянулась. Отличная статья, сказал. И распорядился поставить ее в номер немедленно, на первую полосу, вместо передовицы. А в газетах, чтоб вы знали, обычно, все распоряжения главного выполняются сразу. Татьяну Ивановну напечатали.

И уже на следующее утро антисоветская радиостанция «Свобода» из Мюнхена посвятила ей целую восторженную передачу. И высокоумные комментаторы говорили, что, видно, в Кремле что-то резко меняется, раз такие статьи «Советская Россия» публикует...

За такую похвалу в те времена выговором не отделаешься. Андреев, естественно, перепуган, я тоже дрожу, Михайлов дрожит... А главному тем временем звонит член политбюро, пред Совмина России и — благодарит за публикацию. Да как благодарит!.. И главный настаивает, чтобы Татьяна Ивановна для нас в продолжение темы еще цикл таких статей написала...

С циклом как-то не сложилось...

В «Известиях» мы с Андреевым сидели в одном кабинете.

Сейчас готовится к печати его фундаментальная биография академика Сахарова, которую он писал пять последних лет. Все кто читал — в восторге.

Снимок сделан в 1985 году у меня дома.

САША АРОНОВ

Учитель словесности по образованию и первому опыту работы, с 1966-го и до конца жизни — в «Московском комсомольце», в последние годы автор еженедельной колонки «Поговорим». На мой взгляд, один из самых значительных русских поэтов второй половины XX века, но открыть его читающей России все еще только предстоит. Премия «Золотое перо России» присуждена ему посмертно, в 2001-м.

Саша все знал. Саша все читал. Саша все умел объяснить, причем часто интереснее, чем сами авторы, которые, уверен, иногда его бы объяснениям очень удивлялись.

Когда он написал поэму «Тоннель» — о неминуемом воскрешении из мертвых всех, кто когда бы то ни было населял нашу Землю — он, вроде бы, лишь пересказал «Философию общего дела» Николая Федорова. Так он сам говорил, а я, естественно, верил, пока в СССР Федорова все-таки не издали, я его по случаю не купил и не убедился, что был Федоров тот еще путаник, хоть и, действительно, натолкнул Циолковского на мысль о покорении космического пространства. А Аронов, напротив, был ясен, неоспорим, хоть и безжалостен. И это благодаря ему, а не Федорову, с 1974 года я абсолютно твердо знаю: мы все оживем, мы все встретимся, мы все станем бессмертны... и ничего из того, что напортачили сейчас, ПРИ ЖИЗНИ, это не отменит и не исправит.

Аронов был первым в моей жизни начальником, он взял меня на работу в свой школьный отдел, когда еще мне не было восемнадцати, все остальные сотрудницы были примерно такими же — Юра Щекочихин, Саша Ригин, Алик Шумский... И когда мы шли куда-то с нашими юными намерениями, я в душе всегда очень удивлялся — а этот-то, такой старенький, куда — с нами? Аронову было тридцать пять...

Мы тогда лихо жили — в «старом» «Московском комсомольце» на Чистопрудном бульваре — под треск раздолбанных печатных машинок, под песенки и гимны: «День пиши, вечер пей, ночь спи! Утром встань, день пиши, вечер пей!..» «Но мы еще свое упрямство вздернем и выслушаем, что нам скажет мир!..» «И жена не уйдет к другому, когда у вас нет жены!..» Мы писали и пили, мир пока помалкивал, жены уходили и приходили, мы потихоньку выросли. Так же потихоньку приходило и понимание той невероятной удачи, которую подарила судьба в самом начале жизни. Мне, во всяком случае, теперь уже окончательно ясно, что никто на свете не оказал и уже не окажет на меня столь сильного и всеобъемлющего влияния, как Аронов. Странно, но даже список любимых поэтов за эти десятилетия у меня не изменился — с тех пор, как Саша впервые называл их незнакомые мне тогда имена и читал строчки. Ароновские оценки девальвации не подвергались никогда, ни разу. Равно как ни разу я не усомнился и в том месте, которое занимает в русской литературе сам Аронов.

...Когда это было? Самый конец семидесятых? Самое начало восьмидесятых?

Так получилось, что мы с ним угодили выступать в один выпуск устного журнала, который устраивал ДК оптико-механического завода в подмосковном Красногорске. Что там говорили со сцены, естественно, не помню, но зато хорошо помню, что получили мы в итоге по конверту

с баснословным по тем временам гонораром (по тридцатнику, что ли, на брата) и, конечно, решили их тут же пустить на что-нибудь хорошее. Тем более Аронов сказал, что именно в Красногорске живет Юрий Болдырев (единственный, чтоб вы знали, человек в мире, кто разобрал почерк Слуцкого, и это именно Болдыреву мы будем потом обязаны посмертным трехтомником поэта). Так что надо брать три, сказал Аронов.

Он был старше, он был значительно умнее, он, в конце концов, когда-то принимал меня на работу и был моим первым начальником. Три так три, ответил я. И был упоительный разговор на болдыревской кухне. Маленький, большоголовый хозяин рассказывал невообразимые вещи о своей прежней саратовской жизни, а Аронов достал наконец свой блокнот в красивом синем переплете, куда, я знал, уже второй год записывал «новое».

В том числе прочитал и это.

— Спиши слова! — попросил я.

— Книжки дождись! — пошутил Аронов.

Но слова списал. А дату не поставил. В общем, на самом-самом рубеже восьмидесятых. То ли совсем незадолго «до Афганистана», то ли сразу «после» него.

Стихотворение это в книжку Александра Аронова попало через четверть века. Я этой книжки дождался. Он — нет.

Мне кажется, объяснять, о чем это стихотворение, сегодня опять не надо.

НЕЖЕЛАНИЕ БЫТЬ ИСПАНЦЕМ

Черт подери их там, в Испании!
Проснешься ночью, весь в испарине,
И думаешь: что за народ!
Клопочут Франция, Италия,
Алжир, Марокко и так далее,
А эти — все наоборот.
Какие рыцари в Испании!
Они от мавров нас избавили,
Собой Европу заслоня.
Но, чтобы было с чем возиться им,
Ввели такую инквизицию,
Что мавры, знаете, фигня.

А простолюдины Испании?
Наполеона лихо сплавил.
Но только он пропал вдали,
Под благодарные моления
Спустились с гор и в умилении
Себя Бурбонам поднесли.
И вот сидят они в Испании.
Им без холуйства, как без памяти,
И неуютно без оков,
Их раздражает независимость,
Идохлый их генералиссимус —
На стеклах всех грузовиков.

ВОЛИК (ВСЕВОЛОД) АРСЕНЬЕВ

Геолог, путешественник, фотограф, художник.

Хотя он и считался одним из главных неформальных авторитетов в редакции, я этого никогда не понимал. Мы с ним были вообще далеки, как наши кабинеты, расположенные в разных концах безмерного комсомольского коридора. Да и вообще, его элегантная, но аристократическая и надменная ироничность отнюдь не способствовала сближению (самому Росту, когда тот только пришел наниматься на работу, Волик сказал, равнодушно посмотрев на свет принесенную фотопленку: «Ничего. Резко».)

Потом разница в возрасте как-то смикшировалась, из комсомольских кабинетов ушли оба. Встретились через десятилетия, фотопленки я ему, к счастью, не показывал, искорка взаимного интереса, кажется пробежала...

«Золотое перо России» за книгу «Ностальгия».

КОСЯ БАРЫКИН

В 60-70-е годы один из самых известных репортеров страны. Сейчас работает в «Новом (Деловом) Вторнике»

ЮРИЙ БАТУРИН И АДАМ МИХНИК

АДАМ МИХНИК

Историк по образованию, старый диссидент, в 80-е годы один из лидеров польской «Солидарности», бессменный главный редактор варшавской «Газеты Выборчей», одного из лучших изданий современной Европы.

На снимке у него вид несколько усталый. Просто мы сидели большой достаточно компанией и к трем часам ночи все вдруг захотели сфотографироваться на фоне Михника.

Экзекуцию Адам перенес стоически.

ЮРИЙ БАТУРИН

Членкор РАН, директор академического института, доктор всевозможных наук, автор книг и законов, летчик-космонавт, Герой России, лауреат Премии Правительства РФ, обозреватель «Новой газеты», секретарь Союза журналистов...

Что-то я, конечно, пропустил.

Накануне его первого космического полета я опубликовал заметку, которую воспроизвожу здесь с некоторыми сокращениями.

...Итак, Батурин. Три высших образования (МФТИ, юридический и журналистский факультеты МГУ), автор трудов по теории программирования, профессор права, эрудит, умница. Альпинист. Кроме того, как утверждают сведущие люди, «на досуге переводит, по несколько книг одновременно» — в том числе перевел и издал Льюиса Кэрролла. Один

из авторов так называемых «альтернативных» (т. е. представленных в противовес тому, что готовилось в ЦК КПСС на Старой площади) Закона о печати СССР (1990) и Закона о средствах массовой информации России (1991). Приняты были «альтернативные варианты» и именно им мы, собственно, обязаны отменой цензуры.

Работал в команде Горбачева во время Огаревского процесса, после кончины Союза — в Горбачев-фонде, был консультантом телепрограммы «Итоги». В 1993-м перешел на службу к Ельцину — сначала помощником по юридическим вопросам, затем — помощником по национальной безопасности.

Сразу оговорюсь, что кремлевскую деятельность Юрия Михайловича далеко не все воспринимали однозначно. Так например, обозреватель Н. Троицкий как-то не без ехидства отметил по радио «Свобода», что помощник президента пока «употребляет свои знания и таланты на юридическое оформление капризов начальства... Он говорит, что пошел на службу из чисто научного интереса, хотел изучить технологию власти. И стал винтиком в российском неповоротливом властном механизме. Поставил, так сказать, опыт на самом себе, как доктор Кох, который привил себе туберкулезную палочку. Выходит, доктор Батурин не просто чиновник, а естествоиспытатель...». Но здесь уже, очевидно, возникает вопрос, не решенный со времен Аристотеля: надо ли идти к несправедному властителю, чтобы хоть как-то попытаться улучшить режим, или — напротив — безнравственно поддерживать его своей репутацией. Так или иначе, но Батурин всегда пользовался прочной репутацией одного из наиболее демократически ориентированных лиц в окружении Президента России, мне известен целый ряд случаев, когда он как раз не стеснялся выступить против многих и многих «капризов начальства» (октябрь 1993-го, Чечня...), и то, что продержался он в Кремле ровно пять лет (как однажды выразился — «три совершенно разных эпохи») достойно включения в книгу любых рекордов; тем более что среди этих эпох были и крайне нарасположенные к бледным росткам российского либерализма...

С июня 1996-го, после первого тура президентских выборов пост помощника по национальной безопасности стал разменной монетой при покупке Кремлем генерала Лебеда, так что Батурина перебросили руководить текущей работой Совета Оборона. В этом качестве он сразу проявил себя решительным сторонником немедленного реформирования Вооруженных Сил и, соответственно, откровенным оппонентом генералам из «Арбатского военного округа» во главе с только что назначенным министром Родионовым, почти год противостояния с которым закончился

шумным увольнением министра. Тем не менее и сам победитель очень скоро был отринут от исполнения обязанностей, формально оставаясь помощником Президента, потерял всякое влияние на реальную политику, несколько месяцев даже не встречался с шефом и наконец в феврале 1998-го получил уведомление в том, что уволен «по сокращению штатов» (сведущие люди утверждают, будто именно такого изменения в штатном расписании долго добивался глава администрации, мой бывший стажер в «Комсомолке» Валя Юмашев). Сам Президент (хотя бы по телефону) лично попрощаться с человеком, пять лет на него проработавшим, времени, разумеется, не нашел.

Отставку Батурин перенес с редким достоинством: «Я ни минуты не сожалею о том, что когда-то пришел на эту должность... Находясь на ней, я старался быть полезным не только Президенту, но и тем службам, с которыми приходилось работать. Так что, надеюсь, многие ракетчики, десантники, моряки, пограничники, разведчики, люди из МВД и МЧС поднимут сегодня стакан за то, что мы делали вместе». С другой стороны, в интервью «Итогам» все же не удержался и с некоторым сарказмом отметил, что очень рад наступлению времен, когда государственного советника 1-го класса увольняют столь буднично, не придумывая ему несуществующих вин и не тратя сил на поиски для него синектуры. Может быть, — добавил, — и те, кто организовал ему эту радость, тоже как-нибудь испытают ее на собственном опыте.

В отличие от многих коллег и товарищей по несчастью сразу после ухода из Кремля заявил, что не собирается писать никаких мемуаров. Зато думает закончить две книги, работу над которыми прервал, придя на работу к Президенту: первая — «Математические модели в политологии», вторая — исследование песенного творчества Высоцкого. Кроме того, еще в августе 1997-го Батурин начал подготовку к экспедиции на космическую станцию «Мир», чем, помнится, вызвал веселое оживление у газетчиков и телекомментаторов. Но, между прочим, первое место его работы после института — королевское КБ, так что это не просто экстравагантная причуда высокопоставленного чиновника, а, можно сказать, возвращение к истокам...

...К чему это я все? Для иллюстрации простого, в сущности, тезиса: власть у нас «больно умных» не любит. А если порой и терпит, то из последних сил напрягаясь, и избавляется от них с чувством глубочайшего облегчения.

Зато куда «нормальнее» пребывание в непосредственной близости у трона людей простых и понятных, социально близких — вспомним на

минуту Грачева, Барсукова, Сосковца, Тарпищева... Не к ночи, конечно, будь помянут литературный труд еще одного из этой компании — Коржакова, но бесхитростное описание нравов, царящих в среде людей, непосредственно ответственных за судьбу великой державы, вызывает полное доверие, а когда ототрешь чувство брезгливости, то и ужас. И какой уж здесь «доктор Батулин»!

Разумеется, окружение играет в первую очередь самого царя. Но скорее всего, дело здесь не только в царских вкусах. В том-то и дело, что, узнав (от первого, что называется, лица!) о художествах президентских соратников, общественное мнение содрогнулось куда меньше, чем когда в свое время стало известным, что глава правительства Гайдар может употребить слово «котнудь». Мне даже кажется, ненавидят его за это куда сильнее, чем за «ограбление старушек». Кстати, «ограбленные старушки» и те, кто сейчас так переживает за их судьбу, очень быстро забыли, что в конце 1991-го даже в московских магазинах были пусты все без исключения прилавки. А вице-премьер Лобов на полном серьезе уже разрабатывал всероссийскую программу сбора хвои — на случай массового голода...

Но давайте еще раз вернемся к книге Коржакова. Она, вообще, незаменимое пособие для изучающего природу российской власти, универсальная ответалка на все и любые вопросы. Ну, скажем, за какие-такие заслуги майор охранник в три года стал генерал-лейтенантом и одним из влиятельнейших кремлевских деятелей? Да за те же, что и остальные — спортсмены, гуляки, анекдотчики, верные компанейские люди, не чуждые простых, немудрящих радостей. Взять Николая Егорова, произшедшего непосредственно из директоров совхоза (высшее образование получил на исходе четвертого десятка — заочно сельхозинститут закончил) и ставшего одним из непосредственных виновников чеченской бойни: где те таланты, которые привели его на пост вице-преьера по международным отношениям? А после позора Буденновска (чуть пересидев в помощниках президента) и вовсе повышен был Егоров до главы президентской же администрации. И уже в этом качестве возглавил заодно и Комиссию по государственным премиям в области литературы и искусства — чего там, не боги горшки обжигают, знаете ли...

«Мы академиев не кончали...» — что правда, то правда. Кухарки, вдохновленные несчастно сказанным словом, руководить государством бросились с редким энтузиазмом. Да их и специально подбирали — причем даже собственно кулинарные способности почему-то игнорировались. Кухарки быстро учились командовать подчиненными им

профессионалами, покрикивать на них и учить жизни. А так как все развалить сразу не могли, делающееся записывали на счет успехов своего руководства, для которого (лишний раз убеждались) не книги читать надо, а кулаком где следует стукнуть...

При этом презрение к знаниям, которые можно получить именно «в академиях», отлично уживается с уважительным вниманием ко всякого рода мистике и чертовщине. Только у нас какой-нибудь Кашпировский мог столь уверенно занять эфир на Центральном телевидении. А сколько шарлатанов и проходимцев вертится вокруг самых высоких кабинетов — не случайно же всеобщим консультантом последних советских вождей (Лигачева!.. Павлова!..) стал самодеятельный политолог Кургинян, чьи советы, безусловно, вполне могли довести до краха и более устойчивую систему, нежели коммунистическая в ее последние годы. И не случайно в таком ходу среди вождей самые дикие теории мирового заговора против России... И не случайно печально-знаменитая секта «Аум сенрике» сподобилась внимательнейшей протекции вице-преьера российского правительства...

Именно что — не случайно.

Здесь же, по-моему, кроются и причины знаменитой всероссийской неприязни к столице и ее жителям (вспомните восхитительный вскрик депутатки на Первом съезде в июне 1989 года: «Мне как женщине рядом с московской делегацией даже сидеть страшно!..»). Не только же в том, что Москва лучше живет (или как раньше говорили — лучше снабжается): прежде всего Москва воспринимается именно как средоточие этих самых «умников», от которых и идут все наши беды. Хотя беды эти носят совершенно определенные имена-фамилии, отнюдь не совпадающие с именами рабочих с ЗИЛа или эмэнэсов из академического института химфизики. Посмотрите, за все годы Советской власти и последующие ни разу, ни единого разу у руля державы не стоял столичный уроженец, да и рядом с главным рулевым москвичами никогда не пахло. Полистайте старые справочники с биографиями членов Политбюро, убедитесь. Даже на пост московского «первого» до самого последнего времени вызывали исключительно варягов; назову только последних: Фурцева была из Вышнего Волочка, Гришин произрос из Серпухова, а свердловчанина Ельцина сменил Зайков, ленинградец... Конечно, в огромный плюс им идет то, что все они — «люди практической деятельности», тертые в тех еще жерновах... Но даже московского образования практически ни один из всех наших многочисленных вождей не получил; единственное, кажется, исключение — Горбачев, ну зато и относится к нему

соответственно. Не так, скажем, трепетно, как к усатому палачу, портреты которого так любят носить по митингам...

Чем у нас привлекает политический деятель? Странными вещами, например, откровенным косноязычием. Или тем, что заседания правительства проводит, «пользуясь лексиконом, облегчающим добычу газа на Ямале». То, что увлекается игрой на народной гармошке, а не на какой-нибудь виолончели, тоже приводит нас в состояние особенного умиления. А уж когда узнаем, что свою сельскую школу окончил он когда-то с грехом пополам, а по математике так и вообще сподобился переэкзаменовки...

Из года в год в руководство страной на всех причем уровнях рекрутировались люди одного плана, одного характера, одного менталитета. Они приезжали в Москву, обремененные нелюбовью к ней, завистью и подозрениями. За Москву надо было бороться, и эта борьба, строго по Дарвину, развивала прежде всего те качества, которые могли помочь победить в этой борьбе. Волю, решительность, жесткость, и — защитную реакцию на то, чего сами по объективным причинам, к сожалению, недополучили: образования, культуры, европейства, скажем так. «Новые москвичи» быстро вращались в Москву, но антимосковские комплексы оставались, и они плодили и плодили себе подобных. Среди них были замечательные люди и отличные руководители. Были людишки так себе, и начальники хреновые. Но беда в том-то и состоит, что Москва и Россия — действительно разные страны и из московских «тепличных» условий никто добровольно не уезжает. Столица, отгороженная от нищих губерний своей ПРОПИСКОЙ, ненавидимая и желанная, заставляла держаться обеими руками за полученное кресло и раз за разом «клонировала» тяжелую ревность к тем, кто за эту прописку мог не драться и получил ее самым фактом своего здесь рождения, кому все легко давалось, кто «не видел жизни»... Но было ли «жизнью» то, что видели они сами?

Мы продолжаем считать именно такой «опыт» самым важным. Самым необходимым. Это и есть «наш путь» и предмет национальной гордости становится то, что мы по нему все-таки движемся — по уши в грязи и дерьме — а никто бы не смог. Потому и строят дороги...

Когда-то меня потрясла заметка в старинных «Известиях». Читатель спрашивал: почему наши лезвия тупы и не бреют, импортные — наоборот. Специалист объяснил: наши, оказывается, делаются из намного лучшей стали, то есть намного-много качественнее любых прочих. Вот только прочие поступают нечестно — каким-то полимерным, что ли,

составом режущие поверхности покрывают, мерзавцы. Но, намекалось, это не наш путь.

...Что ж, пожелаем Юрию Батурину успехов на космических трассах. Поднимем за него, как он просил, стакан — вместе с летчиками и разведчиками. Завтра (тьфу-тьфу, постучим по деревянному) он стартует. Дай Бог, чтобы полет прошел успешно, системы функционировали нормально, чтобы не барахлил компьютер, а если нестандартные ситуации все-таки возникнут, квалификации выпускника МФТИ на них хватило.

Поднимем стакан за космонавта. В надежде, что доживем, когда его человеческие и профессиональные качества и на земле будут востребованы с большей благодарностью.

Так я написал в 1998 году.

А в 2001-м, в день, когда друзья отмечали присвоение Батурину звания Героя России (то есть уже после его второго полета) Андрюша Чернов создал для него величальный акростих. Потом поэт (за неимением авторучки — обожженной спичкой) воспроизвел его у меня в блокноте, но к сожалению, не полностью — многое сразу же забыл, что, впрочем, простительно, учитывая обстановку отвлечения. У самого Батурина текста тоже нет.

Юркий коник мой Пегас
Робко сдерживает ржанье
И рекомендует Вас
Юношам для подражания.
Брат межзвездных аонид
Афигенный мой Батурин...

Но действительно — чего продолжать? «Юношам для подражания» — и хватит. Осияют ли только юноши...

АЛЕКСАНДР БОВИН

Он был любимым спичрайтером Брежнева, но что-то неловкое сказал (среди своих) в бане и уже наутро оказался не в ЦК, а в «Известиях», политобозревателем.

Я думаю, для всей страны, да и для самого Бовина, в конечном счете, это оказалось огромной, хоть и незапланированной удачей.

Спросил однажды: ну, Вам-то, Александр Евгеньич, хоть раз взятку давали?

Бовин задумался.

...Году в 1990-м, оказавшись в президиуме важного собрания, я получил из зала записку: «Вчера или сегодня? Коньяк или водка? Твой

Бовин», — что несомненно свидетельствовало о его наблюдательности и умении четко формулировать. В 1992-м, в Тель-Авиве, в кабинете российского посла мы с Наташей Геворкян и самим послом (посол сидел под государственным флагом, в необъятных джинсах и рубашке с открытым воротом) увлеченно разучивали местную песню, начинавшуюся: «Над Синаем тучи ходят криво...» и заканчивавшуюся словами:

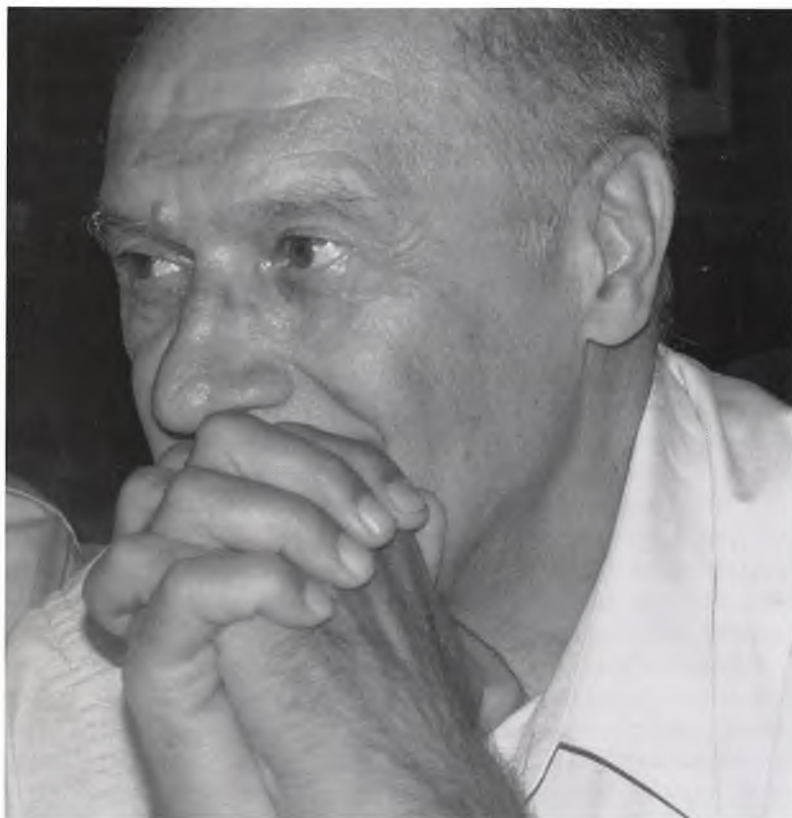
...Три дантиста, три веселых друга,
Исаак, Абрам и Моисей.

А еще он попал в путеводитель по Берлину. Там, где говорится о старейшей берлинской пивной «Последняя инстанция», специально отмечено что здешний «айсбайн» (свиную ногу) человек съесть не в состоянии. И что в истории заведения был лишь один случай, когда посетитель заказал и съел два «айсбайна». Им был Бовин.

...В тот раз он дарил мне свою книгу «Пять лет среди евреев и мидовцев» с посвящением: «Паше Г. от Саши Б.» (кстати, подзаголовок у этой книги — «Записки ненастоящего посла», хотя, если уж по серьезу, послом он был самым настоящим, едва ли не самым эффективным в нашей постсоветской дипломатии). В общем, Бовин подумал и ответил: «Понимаешь, Паша... Надо было начинать раньше и с немногого. А теперь нам с тобой мало предлагать неловко, а много — людям не проверенным — не за что...»

И вздохнул горестно над напрасно прожитой жизнью.

НИКОЛАЙ БОДНАРУК

Однажды он написал статью «Лежачий камень» — про то, как в казахской степи случайно нашли предмет с вырубленными на нем непонятными письменами. Это стало сенсацией, письмена расшифровали, люди защитили кандидатские и докторские, а потом выяснилось, что камень бросили в степи киношники, снимавшие какую-то историческую картину, был он им нужен в качестве декорации, текст взяли с обложки учебника по археологии для первого курса и т. д. А президентом Академии наук

Казахстана был в то время брат первого секретаря ЦК республиканской партии, члена политбюро и дважды Героя Соцтруда. Поэтому газету и автора обвинили в том, что они пытаются очернить и опорочить целую республику...

Сегодняшние молодые журналисты этой фамилии — Боднарук скорее всего, не знают. Да и людям постарше стоит напомнить хотя бы некоторые вехи его профессиональной биографии.

Семнадцать лет в «Комсомолке» от стажера отдела науки до ответственного секретаря и заместителя главного, внутри этого срока — два года собкором в Австралии. Четырнадцать лет в «Известиях» — возглавлял «звездный» отдел «морали и права», команду-мечту, объединившую лучшие имена перестроечной журналистики, затем — заместитель главного. Затем — главный в «Литературке»...

Сегодняшней журналистикой востребован не был, работал советником президента крупнейшего банка. И писал книгу.

В 2009 году умер, до последнего дня своей страшной болезни не отпуская от себя клавиатуры компьютера. Жена и сын бережно довели текст до печати, издать помог старый друг — тот самый президент банка, Андрей Костин. Книга, которую сделали с любовью, получилась неправдоподобно красивой.

Как жаль, что он так мало печатался в последние годы и даже (страшно сказать!) десятилетия. Редакторская работа, если ею заниматься всерьез, не оставляет места на командировки, на собственные статьи, от которых вздрагивает страна — от Алма-Аты до Уэллена. Читая эту книгу, еще раз убеждаешься, насколько талантлив он был, как блистательно писал и думал, как точно отбирал детали и мысли. Но дело даже не только в этом: перечисленное хорошо знали все, кто с ним работал, а вот тонкий лирик, чутко улавливающий каждое движение в том числе и своей души — открылся и для многих из нас, пожалуй, впервые.

А еще в книге очень много горьких оценок и раздумий. О том, как менялось время, и о том, как менялись люди...

Но были и такие, кто — не менялся.

...Более ста его друзей, коллег, героев собрались в пресс-центре «Российской газеты», где проходила презентация. Каждый получил в подарок книгу в персональном пакете из плотной бумаги.

Это значит — на страну осталось около восьмисот экземпляров, нормальный в наши дни тираж. И поэтому глупо писать, что эту книгу должен прочитать каждый, кто идет в нашу профессию. И что тот, кто уже пришел в нее, — тоже должен.

ПАВЕЛ ВОЩАНОВ

Кандидат экономических наук, дорос до поста зам. директора НИИ Госстроя (как раз ко времени ссылки в Госстрой будущего Первого Президента России; в те времена оба и сошлись накоротке). В годы перестройки — обозреватель «Комсомольской правды», быстро ставший одним из наиболее авторитетных журналистов, как тогда говорили. «демократического направления». Последовательный сторонник Ельцина и давний его помощник (например, Вощанов был среди сопровождавших Бориса Николаевича в его первую поездку в США, печально знаменитую

публикациями в итальянской «Републике» и московской «Правде»). Был избран делегатом XXVIII съезда КПСС, отчеты с заседаний которого ежедневно печатал в «Комсомолке», чем вызывал к себе самые свирепые чувства соседей по кремлевскому залу. После Августовского путча (уже будучи лицом официальным) опубликовал серию статей, где привел секретные документы о финансовой деятельности ЦК КПСС (зная о ревнивom отношении к этой теме многих высокопоставленных руководителей, могу предположить, что это тоже сыграло свою роль в быстром изменении его общественного статуса).

Вообще же, как недолгий пресс-секретарь президента проявил себя куда менее заметно, нежели его сменщики — Костиков, Ястржембский, к примеру, не говоря уже — о Пескове.

Собственно, тем и ценен.

Снимок сделан на праздновании головановского семидесятилетия.

СЛАВА ГОЛОВАНОВ И ИННА РУДЕНКО

СЛАВА ГОЛОВАНОВ

Голованов учил: настоящий мужчина три дела должен делать сам, никому не перепоручая.

Спать со своей женой.

Чинить свою машину.

Дежурить по своей заметке.

Еще, помню, он приехал из очередной командировки в Париж, который любил самозабвенно. Привез какого-то пойла, мы заперли дверь в кабинет, потому что пойла было немного, а желающих выше крыши, и Голованов приступил к отчету. Отчет был краток. В их магазинах, сообщил Голованов, ветчину режут так тонко, что ее можно разбрасывать, как листовки. И на каждой писать: «Да здравствует капитализм!»

А еще однажды Голованова в минуту помрачения коллективного разума избрали председателем партсобрания. Тема была исключительно ответственная: о работе с письмами трудящихся. Ответственность усугублялась еще и тем, что только что на эту тему вышло соответствующее постановление ЦК и к нам на собрание явились человек пять разнообразных кураторов — послушать, как мы будем одобрять и поддерживать. Одним словом, бред клубился и заполнял Голубой зал до предела, Голованов откровенно маялся в президиуме. И вдруг встрепенулся: «Я сейчас, пожалуй, предоставлю слово себе... Тут все говорят о том, что мы должны делать ставку на “жизнеутверждающее письмо”. Я этого не понимаю. Ну, получаю я письмо и в нем говорится: у меня все замечательно, зарплатой доволен, с женой порядок, всем большое спасибо... Что я делаю? Я пишу: Автор психически нездоров. В архив!.. Так что... Кто там у нас следующий?» Кураторы мрачно закрыли блокноты, только что назначенный главным редактором будущий спикер Государственной Думы нервно заерзал, собрание скомкалось и завершилось быстрее, чем мы опасались...

Еще Голованов, как всем известно, должен был полететь в космос. Королев прочитал рукопись его фантастического романа о подготовке полета на Марс и спросил: почему, мол, на самом интересном месте все заканчивается. Голованов ответил, что как к полету готовятся, он, слава Богу, знает, а собственно о полете — нет. Так надо слетать! — воскликнул Главный Конструктор, которого удручали бесцветные рапорты космонавтов («Нет, не поручик Лермонтов...» — бурчал, читая), и Голованов прошел все необходимые тесты-испытания. Но Королев умер, и первым журналистом, побывавшим в космосе стал — через четверть века — японец... Так вот, в начале восьмидесятых головановское личное дело рассекретили, и он ходил по коридорам «Комсомолки» со своей медкартой, восклицая: «Смотрите, сопляки! Я среди вас всех единственный абсолютно здоровый человек!..»

...Боже, какая чушь вспоминается!..

Слава, Ярослав Кириллович Голованов, один из самых ярких журналистов, писавших на русском языке в XX веке, человек безупречного

вкуса и энциклопедических знаний, беспредельно талантливый, азартный и заводной, гений неформального общения, легкий, влюбчивый, капризный, патологически обязательный, пристрастный в оценках...

С 21 мая 2003 года о нем надо писать: БЫЛ...

Его смерть — это страшная и невосполнимая потеря. Конечно, и старые подшивки останутся, и тем более останутся книги, и звезда его имени, которую, говорят, в ясную погоду можно разглядеть даже невооруженным взглядом... Можно было бы сказать, что остались ученики, да это будет неправдой, друзья — да, друзья остались, дружить он умел фантастически — верно, нежно, восхищенно...

Мы когда-то вместе работали в «Комсомолке» (в одном некрологе ляпнули: «В последние годы он работал в «Комсомольской правде»; да ни в какой другой газете он никогда не работал — ракетное КБ после «бауманки» да полвека здесь, на шестом этаже). Смешно, конечно, но я даже где-то полтора года возглавлял отдел, к которому он был приписан (забавная обязанность: руководить Головановым — это примерно то же, что руководить восходами и заходами; кукарекать, конечно, можно сколько угодно, но рассветать и смеркаться будет все равно независимо от кукареканий). Горжусь, что совсем недавно Голованов прочитал мне листок из книги воспоминаний, которую заканчивал, и на этом листке в одном абзаце я оказался (вместе с Ростом и профессором Чудецким) в числе тех, кто, как написал Голованов, «просто меня любят». Это — чистая правда...

Что ж. Слава не был обделен ни любовью, ни признанием, ни наградами. Одним из первых (еще в 1968-м) он стал лауреатом премии Союза журналистов СССР, в 2002-м (за фантастически-талантливый трехтомник дневников «Записки вашего современника») получил высшую профессиональную награду современной России — премию «Золотое перо». В 2003-м — опять же среди первых — Союз журналистов наградил его Почетным знаком «300 лет Российской прессы».

Перед вручением ему позвонили и пригласили на торжественную церемонию в Домжур. Голованов неважно себя чувствовал, из Переделкина не выезжал. «Передайте этот знак Пашеньке Гутионтову, пусть он приедет и вручит мне лично».

Приехать я так и не собрался, все откладывал и откладывал. На поминках отдал знак его (тогда) маленькой дочке Лельке. Вместе с удостоверением, в котором так и обозначено: «За заслуги перед отечественной журналистикой».

Убежден: мало у кого эти заслуги столь весомы и неоспоримы.

ИННА РУДЕНКО

Обозреватель «Комсомольской правды», лауреат всевозможных премий, «Легенда отечественной журналистики»

...Однажды (в начале 80-х) сидим рядом на планерке, и Руденко шипит мне на ухо: «Гутионтов, вот этого — я тебе никогда не прощу!..» А что случилось? И рассказывает Руденко, как накануне ночью поймала такси, едет домой, шофер молчит, она молчит. И вдруг тот ни с того ни с сего: «Как все же прав Гутионтов!» «Что вы сказали?!.. — переспрашивает потрясенная Руденко. И шофер рассказывает, что Гутионтов замечательно написал про то, что Гидрометцентру верить ни в чем нельзя. А мы у себя, говорит, в таксопарке его вообще постоянно читаем, он обычно про винные этикетки пишет (я, действительно как раз тогда напечатал крохотную заметку про идиотские названия спиртных напитков — «Вечерний звон», например, или портвейн «Алые паруса» — для романтиков)... И пересказывает, значит, шофер Руденке эту самую заметку, так, за приятной беседой и доехали. Расплатилась Инна и говорит: я, мол, обязательно завтра же расскажу о вас Павлу. Как, вы — с ним работаете!?. И как ваша фамилия? Руденко, с достоинством отвечает Инна. Простите, не читал, отвечает шофер.

Именно в это время Инна Павловна напечатала подряд несколько очерков, о которых в полном смысле слова говорила вся страна. Но, как оказалось, настоящая слава бродила где-то по другим дорожкам...

И еще случай — из относительно свежих.

В 2009-м случился юбилей у всенародно любимой певицы. И «Комсомолка» в связи с этим на своем сайте воспроизвела интервью, которое Инна Павловна взяла когда-то у той же Пугачевой.

Выписываю комменты:

...Сколько лет прошло, а я помню это интервью. Еще тогда фотографию Пугачевой с открытым лбом напечатали.

...Статья замечательная! Как надоели уже эти глупые пиары-мемуары, которые пишут сегодня, побольше бы вот таких глубоких, умных публикаций.

...Боже мой, как давно не было качественных, настоящих статей. Такого нынче не пишут!!!

...Слушайте, я прям влюбилась в бабушку нашу. Нормальные вещи говорила. А шас, что ни интервью — то рассказ о том, где, с кем и чего она поела.

...Руденко — супер... Снимаю шляпу и мету пыль.

...Нынешним журналистам до Руденко далеко.

Что ж, действительно: есть с чем сравнивать: «нынешние» в той же «Комсомолке» Пугачевой по случаю юбилея пол-номера посвятили, всех бывших мужей да любовников вспомнили, меню праздничного стола воспроизвели, как кто из гостей одет-обут был — рассказали. А Руденко с ней когда-то о чем говорила? Да еще несколько раз встречалась, домой приходила... И никаких подробностей сенсационных не выведала, лезла все в «психологию творчества», что-то понять пыталась, а что непонятного может быть в Пугачевой и с Пугачевой? Галкин что ли?

«...Я не специалист, я просто брала интервью, стремясь показать, что в таланте, как и в каждом человеке, есть первый, второй, третий — много слоев, и надо учиться видеть не только то, что зримо. Изучение — дело специалистов. Но они, как известно, часто опаздывают.

Когда готовился новогодний цирковой аттракцион, рассказывал Кио, решили, что Пугачева будет петь, сидя на трапеции. Но предупредили ее — высоко без страховки нельзя. Началась съемка, и вдруг все видят — трапеция взмывает вверх, под самый купол! Завидное самообладание, заметил Кио. И только после съемок Алла призналась, что с детства боится высоты... Да, боится, подтвердила и мама. И тем не менее попросила поднять ее так высоко.

Она — такая... Но кто-то же должен думать о страховке!»

И Руденко спрашивает:

— В одном из концертов на сцену вышли «девочки», которые должны были изображать «миллион роз», а показывали в основном ножки... Это вы придумали? Как вы вообще считаете — вам нужен режиссер?

— Придумала не я, а режиссер — нужен. Песню надо ставить зрелищно, этого сам певец сделать не может. Конечно, нужен человек-выдумщик, которому бы я доверяла, который мог бы подсказать, научить, но... Есть прекрасные режиссеры, один из них живет в моем доме, как раз подо мной...

— И что?

— Но он ведь даже на концерте у меня не был...

Четверть века прошло. Достойный ее режиссер, мы видим, у Аллы Борисовны так и не появился. Вот спонсоры — пожалуйста. «Комсомолка» уважительно сообщила, что один из них на юбилейный банкет выделил 600.000 долларов. Спасибо, спасибо ему.

Зато мы увидели, как честно и уважительно умеет Алла Борисовна общаться с журналистом, когда видит, что и сама этому журналисту по-человечески интересна. А мама ее потом рассказывала, что в день выхода того интервью дочь с номером газеты заперлась в ванной и сорок минут проплакала. Рискну при этом предположить, что эта публикация — не лучший материал Инны Павловны. Но лучшего интервью у Пугачевой — не брали точно.

Конечно, не будем передергивать. Руденко и тогда была одна-единственная не только на всю «Комсомолку», но и на всю отечественную журналистику. Но рядом, в соседнем кабинете работал единственный в мире Ярослав Голованов. И единственный Юра Рост. И единственный Гек Бочаров. И единственная Лида Графова. И единственный Песков Василий Михайлович. И единственный Липатов... И еще бы кого не забыть — тоже единственные... И уровень газеты определяли именно они. И мы, кто помоложе, прекрасно понимали, куда надо тянуться, а кого учиться, чему подражать.

А сейчас?

Мне говорят: людям-то ведь нравится. Люди читают те самые газеты, от которых я пытаюсь брезгливо отмахнуться. Ну что поделаться, если народ у нас такой неразвитый, если вкусы и пристрастия у него такие?

Вроде бы, и так... Да только ссылки на народ лукавы и недобросовестны. Действительно, газета, ставшая за последние годы образцом пошлости и агрессивного бездумья, держит сейчас рекорд по тиражу — 800 с лишним тысяч. Против цифры не попрешь, но ведь я же помню, что совсем-совсем недавно именно эта газета попадала в Книгу Гиннеса — за тираж, выраженный цифрами с куда большим количеством нулей. И тогда интерес этих (да нет, других, в том-то все и дело!) миллионов поддерживался совсем иными материалами, иными темами, иным уровнем их осмысления. Так что, получается, старый читатель небескорыстно предан в угоду исключительно личному благополучию предавших, для которых делать сегодняшнюю свою «журналистику», действительно, не в пример комфортнее, дешевле и соответственно — выгоднее.

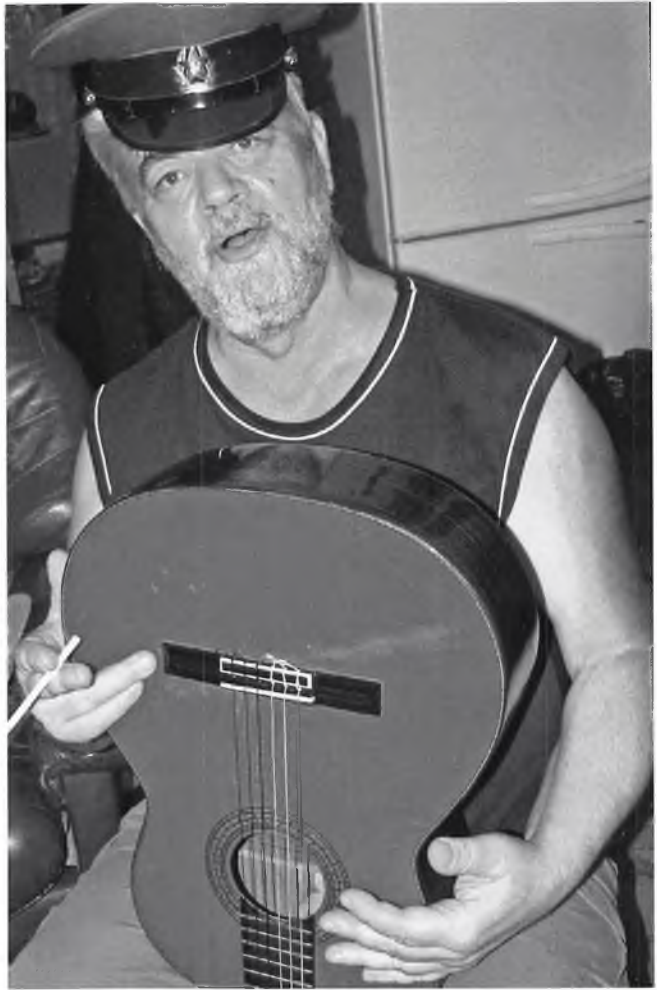
В этом все и дело!

Кто они, эти «простые люди», вроде бы, определяющие содержание и качество сегодняшней прессы? Увы, отнюдь не народ, который не поглупел внезапно, не потерял чувства собственного достоинства, меры и юмора. Его именно предала та журналистика, которая с такой готовностью переключилась на альковные тайны «звезд» и прочее столь же общественно необходимое. Предала в угоду быдлу, которое показалось выгодно представлять народом. Десятки миллионов думающих, нормальных людей сделала заложниками интересов десятков тысяч. Вообще не читающее (совсем недавно) газет меньшинство, самое темное, необразованное оказалось обеспечено печатным словом — полностью и с запасом. Людей же минимально образованных и ответственных (а их — большинство!) печатного слова — лишили. Приговаривая, что народ дик, глуп, неразвит...

А на сайте «Комсомолки» кто-то из прочитавших давнее интервью Руденко предлагает революционную идею: «Подумайте, может, вам и дальше стоит регулярно перепечатывать что-то старое?»

Действительно, почему бы и нет?

Но, между прочим, это самое интервью в газете воспроизвести вторично как раз и не решились — загнали на сайт, да и там так запрятали, что кто не знает — не отыщет. Просто, совершенно понятно, сегодняшние торопливые заметки светских репортеров, которым самим абсолютно по фигу все эти «звезды», которые они зажигают, такие заметки конкуренции рядом с прежними материалами — не выдержат.

АНАТОЛИЙ ГОЛОВКОВ

42

Для случайных стихов, для угаданных строк
Вышел срок, вышел срок...

Огромный человек, с тяжелыми лапами и непростым характером, капризный, по-детски доверчивый и по-детски же обидчивый, упрямый, неотразимо обаятельный, переменчивый, мнительный... Нежный друг и отличный товарищ. Безмерно и многообразно талантливый... поэт?... журналист?... бард?... писатель?..

На его гитаре (было дело) играл Окуджава. Городницкий, услышав в телепередаче его песню, назвал ее «гениальной». Рейн подарил ему кепку Бродского...

Да и сам — осколок эпохи, невозвратно уходящей. Даже так (во времена ностальгии по всему советскому следует уточнить): осколок лущего из той эпохи.

Когда-то, в начале восьмидесятых, мы к каждому Новому Году вешали на стены головковской коммуналки очередной номер домашней газеты «Вечерний Демагоголь» — орган УК и УПК РСФСР, с лозунгом «Нет! — маниакальным планам звездных войн! Планетарии всех стран, соединяйтесь!» «Демагоголь» был плоть от плоти той современной ему отечественной прессы, поэтому, скажем, номер на 1985-й год в полном соответствии с духом времени открывался «Ответом товарища А. Э. Головкова тов. П. С. Гутионтову на поздравление по случаю отбытия им в очередной отпуск» (Текст: «Спасибо»), и только пониже (то есть — после ответа) следовало «Поздравление тов. П. С. Гутионтова товарищу А. Э. Головкову по случаю отбытия им в очередной отпуск» («Поздравляю»). Но уже из следующего номера можно было узнать, что «драматурга Щечокчихина ставят в Берлине. Вместо Бранденбургских ворот» — и это уже была чистая правда (насчет — ставят). А в любой текст этого номера уже обязательно внедрялась ритуальная фраза про «ту борьбу за оздоровление всех сторон нашего быта, которую, как известно, ведет редколлегия «Вечернего Демагоголя», — и это значило, что горбачевская перестройка пришла и на его страницы.

На этом, кстати сказать, наш «Демагоголь» и умер. Пародировать стало неинтересно. Стало интересно работать в «Литературке» и «Советской России», «Комсомолке» и «Известиях». Стало интересно пытаться вмешиваться в жизнь и, как нам (и не нам одним!) показалось, менять эту жизнь к лучшему и разумному. Толя Головков из «Крестьянки» (где под именем Марьи Ивановны давал читательницам восхитительные кулинарные советы) перешел в «Огонек» и быстро стал там первым пером, членом редколлегии, лауреатом всех тогда возможных премий, и — между прочим — это он должен был лететь в Юрмалу к отдыхавшему там опальному зампреду Госстроя Б. Н. Ельцину, чтобы взять у него первое

после постигших его неприятностей интервью. Но в последний момент у Головкова что-то не сложилось со временем и вместо него к Ельцину отправили его товарища по редакции Валентина Юмашева. Интервью «Огонек» тогда так и не напечатал, но журналист будущему президенту понравился, и последствия известны...

Эти последствия ждать себя не заставили.

После великой победы российской демократии бурную карьеру сделали в основном те, у кого перед этой самой демократией заслуг было куда меньше, чем у Головкова. Этому, конечно же, есть вполне убедительные объяснения, здесь и сейчас неуместные. Но факт остается фактом — Головков сегодняшней журналистикой оказался не востребован, и во всяком случае, ни на страницах сегодняшних газет, ни тем паче в сегодняшнем телеэфире я его себе напрочь не представляю.

Зато вышел его роман — «Воздухоплаватель» — лихо закрученный, взрывной, фантазмагоричный и нежный. Про нашу с вами жизнь, то ли плакать над которой, то ли смеяться.

Зато он написал новые песни, без которых (как и без старых его песен) лично я не мыслю себя в этом мире, и я не одинок в таком отношении к его песням. И которые все современнее и злободневнее звучат сегодня.

ЭДУАРД ГРАФОВ

Фельетонист «Известий», затем — «Советской культуры». Автор хороших книг. Муж Графовой.

Однажды, еще при Советской власти, он сделал важное признание, написал:

«Вообще-то, я монархист. Я за царя».

И добавил: «В голове».

Мне всегда нравилась эта политическая платформа. Но опасаясь, что и сегодня, на парламентских выборах, даже при честном подсчете голосов, его партия необходимого числа голосов не набрала бы и в Думу не попала.

ЛИДА ГРАФОВА И ВЛАДИМИР ГУБАРЕВ

ЛИДА ГРАФОВА

Журналист («Комсомолка», «Литературная газета»), общественный деятель. Жена Графова.

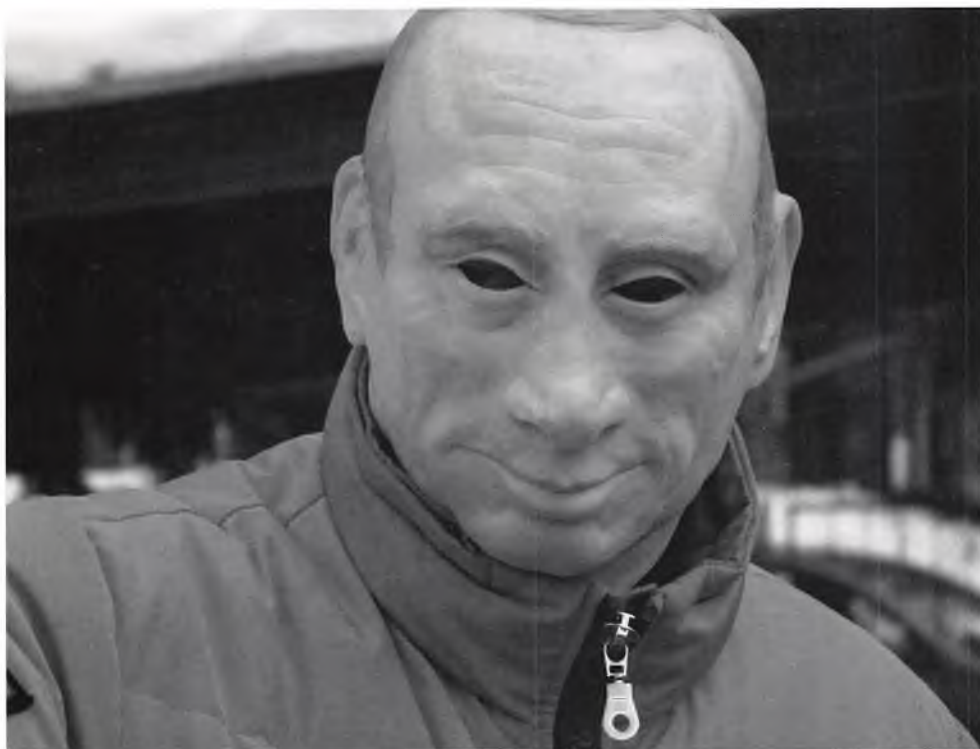
Я не просто не знаком, но даже не слышал и не читал о другом человеке, в котором так сочетались бы запредельный, непробиваемый идеализм и совершенно акулья профессиональная хватка.

Когда я сказал об этом на ее юбилее, Леша Симонов добавил: «Графова просто не умеет слышать слова «нет». Ей говорят — нет, а она не слышит». «Золотое перо России».

ВЛАДИМИР ГУБАРЕВ

Знатный рыбак, журналист («Комсомольская правда», «Правда»; на вершине карьеры в обеих газетах — зам. главного редактора), выдающийся научный обозреватель, автор замечательных книг (например, историко-публицистическое исследование «Атомная бомба»), по его пьесе «Саркофаг» (о Чернобыле) спектакли ставились в театрах по всему миру. Лауреат Государственной премии СССР, премии Союза журналистов СССР, «Золотое перо России».

СЕРГЕЙ ГРЫЗУНОВ

Мастер спорта по фехтованию, собкор АПН по Югославии в годы трагических событий, недолгий министр печати России, профессор факультета журналистики МГИМО.

ЛЕВ ГУЩИН

Главный редактор «Московского комсомольца», зам главного в «Комсомолке», зам главного, затем — главный редактор «Огонька» сразу после перестройки, позже главный редактор «Литературной газеты»
На заднем плане — Евгений Рейн.

ЮРИЙ ДАНИЛИН

Один из лучших научных журналистов страны. Работал в «Комсомолке», «Известиях», «Литгазете», «Новой».

С Данилиным я однажды летал в Душанбе писать отчет со съезда комсомола республики. Надо сказать, что Юру связывали с этим городом

личные воспоминания и родственные связи, поэтому, когда местные комсомольцы нас не встретили, он просто позвонил школьному приятелю Толе Назарову, и тот прикатил за нами в аэропорт ровно через двенадцать минут. Так что тот разнос, который устроил член редколлегии «Комсомолки» тамошнему первому секретарю ЦК комсомола, можно было бы считать и излишним. Но Юра (в сугубо воспитательных, как сказал, целях) сначала выявил, выстроил по стойке смирно и сурово отчитал всех разоблаченных в невестрече, а в завершение экзекуции потребовал, чтобы обратные билеты (а улетали мы через неделю) были представлены нам во избежание дальнейших необязательностей немедленно. Добавил: «У вас есть замечательный рейс, в 18.30, так вот нам это очень удобно». Через полчаса терроризированные Данилиным комсомольцы принесли билеты, Данилин их тщательно изучил, установил, что рейс, действительно, в 18.30 «по Москве», и мы приступили к выполнению редакционного задания.

Редакционное задание выполнялось посредством предваряющего собственно съезд изучения доклада первого секретаря и разбавлением выписанных из этого доклада абзацев абзацами сугубо лирическими, создававшими иллюзию, будто мы просто купаемся в молодежной стихии и даже получаем от этого удовольствие. Что в свою очередь, разумеется, абсолютно не мешало нам закончить отчет со съезда за пять дней до его начала. Единственной трудностью было определенное местной спецификой участие в процессе местного же журналиста по имени Хулькар, которого контора планировала взять своим собкором, и мы с Данилиным должны были таким образом проверить его в действии.

Проверка удалась на славу. Уже на следующий день коллеги доверительно сообщили, что мы, оказывается, разоблачены в насмешливом отношении к тексту отчетного доклада и душанбинские начальники этим очень обижены. «Откуда же они о нашем отношении узнали?» «Восток, ребята», — отвечали нам многозначительно, и Данилин сделал выводы. Было это как раз перед обедом в каком-то совершенно особом месте, куда как раз и собирались нас везти коллеги. И непосредственно перед посадкой в машину, Юра ласково обратился к кандидату в собкоры, называть которого правильно, впрочем, так и не научился: «Хульрак, — спросил его Данилин, — а зачем вы, голубчик, сказали нашим хозяевам, что нам их доклад показался неудачным?» «Я всегда им говорю правду в глаза!» — отрапортовал тот. «Так вот, голубчик, — сказал Данилин, — в следующий раз, когда вам захочется сказать кому-нибудь правду в глаза, говорите ее исключительно от своего имени. А на обед мы вас не

берем. До свидания, голубчик». Закрыв дверцу автомашины и больше с Хулькарком мы не виделись.

Но так или иначе, отчет о съезде мы написали быстро. Поэтому у меня оказалось много свободного времени для укрепления дружбы с данилинским школьным приятелем Назаровым, кстати, известным диссидентом, который переписывался с Сахаровым, за это сидел, а также разводил дома местную экзотическую живность (попытку подружить меня с домашней гюрзой я до сих пор вспоминаю с холодком по коже). Наша укрепляющаяся дружба с Назаровым у Данилина вызывала определенную ревность ибо сам он не пил и старался проводить время у родственников. Но я все его претензии мужественно игнорировал, и даже не пошел на открытие съезда, потому что накануне ночью у нас Назаровым были пельмени.

Что было у нас с Назаровым следующей ночью, я уже не помню, но на второй день идти на съезд все-таки пришлось — в основном из-за несносности характера моего начальника. С понятным отвращением я расположился в ложе, нависающей непосредственно над столом президиума, причем отвращение усугублялось нелепыми рассуждениями Данилина о пользе разного рода воздержаний. Что, правда, было некоторым образом компенсировано в ближайшем перерыве, так как у Данилина жали ботинки, он их сидя в ложе, снял, а потом одного не обнаружил. Оказалось, его украл скучавший во втором ряду важный генерал, на которого Данилин во время поисков смотрел недоверчиво, но обвинений не предъявлял. Генерал в свою очередь тоже смотрел на Данилина сурово («Вы, что, ищите что-то?»), пока не раскололся. После перерыва он наоборот весело смеялся своей шутке и предлагал коньячку. Обиженный Данилин сдержанно отказывался, и смычку с армией я укреплял в одиночку.

А собственно во время заседания был только один заслуживающий внимания момент. Тягучий ход съезда оказался прерван могучим скандированием: «Ленин! Партия! Комсомол!», что меня несколько встрепенуло, — это вдоль стола президиума, кивая головой залу, пошел лидер партийной организации Таджикистана тов. Расулов. Меня грубо оттолкнули, на бруствер ложи навалился какой-то фотокорреспондент и стал целить телеобъективом непосредственно в лицо первого секретаря. Зрелище было вполне специфическое, что я и отметил неожиданно хрипло и достаточно громко: «Вот так, бац — и нет Расулова!», — на что сам Расулов отреагировал неприязненным взглядом, а Данилин, еще не знавший, что у него украден ботинок, всплеснул руками: «Что же ты, Гутионтов, говоришь, голубчик!..»

Уже на следующий день мы должны были из Душанбе улетать. Я пришел в гостиницу от Назарова под утро и не успел толком улечься, как в номер ворвались местные люди с криками: «Горе!.. Горе!..» Оказалось, что в ночь после комсомольского съезда Расулов-таки скоропостижно умер (неофициально мне рассказали, что — застрелился в процессе обострения разборок внутри республиканского руководства). Что уже на следующий день, в Москве, поставило руководство газеты перед серьезными проблемами: в нашем отчете со съезда был ритуальный абзац: «В работе принял участие и выступил член ЦК КПСС, первый секретарь и т. д». А официального сообщения о его смерти все не было и не было, главный редактор и будущий спикер Госдумы не знал что предпринять, а на мои предложения добавить в текст компромиссное «выступил и в последствии скончался», орал: «Прекрати идиотские шутки!..»

Но я не о том. Нас привезли в аэропорт за час до вылета, извинились и оставили там одних. Регистрацию на рейс почему-то все не объявляли. Данилин начал волноваться. Аэропорт был подозрительно пуст. Наступило время собственно отлета. Данилин пошел в справочную: «Как с Москвой?» Не волнуйтесь, сказали ему, все будет вовремя. Как — вовремя!?! — бушевал Данилин, — почему до сих пор тогда нет даже регистрации!?!.. Пожалуйста, пожимали плечами работники аэропорта, вышла специальная тетенька, отметила нам билеты и ушла обратно в недра. Кроме нас, желающих улететь в Москву не появлялось. Время шло. Данилин продолжал волноваться. И только через шесть с половиной часов мы узнали: единственный в этот день рейс отбывал вовсе не в 18.30, как почему-то распорядился Данилин, а значительно позже. Но устрешенные его величием комсомольцы попросили вписать в наши билеты все, о чем он именно распорядился — не жалко.

Больше в командировки с Данилиным я никогда не ездил.

ЖЕНЯ ДВОСКИНА

Художница, книжный график. В юные годы «лицо» «Алого паруса» в «Комсомольской правде».

АБОВ ДЖУЛИКЯН

Работал в «Известиях», после перестройки возглавлял Радио «Резонанс» и телекомпанию «Юго-Запад».

ЕЛЕНА ДЪЯКОВА И ЛАРИСА МАЛЮКОВА

На мой субъективный взгляд, о проблемах культуры лучше них не пишет в современной российской прессе — никто, в частности лучше Малюковой никто не пишет о кинематографе. Обе работают в «Новой газете».

ГЕННАДИЙ ЖАВОРОНКОВ И ОЛЕГ ЖАДАН

ОЛЕГ ЖАДАН

Горжусь, что когда-то сделал открытие в области теории журналистики: выявил самую короткую в мире кинорецензию. Она была запрятана в жадановском репортаже с Сахалина под названием «До Края Света — девять километров» (Край Света, это если кто не знает, название мыса). Так вот, идет автор репортажа по лайбе, рядом океан плещется. А местный житель-патриот, который автора сопровождает, нахваливает свои родные места по-всякому. «Между прочим, — сообщает среди всякого, — у нас тут “Робинзона Крузо” снимали, видел?» «Цветная картина, — сдержанно похвалил я»...

В 1985-м он ушел из «Комсомолки» в «Труд» — зав отделом фельетонов. И уже через три дня там напечатали его первую заметку. Теперь-то никто и не вспомнит, что значило тогда обсмеять разворачивавшуюся в стране антиалкогольную кампанию. За аптеку, обуянную манией величия и возомнившую себя винным магазином («спиртосодержащие лекарства» придумали продавать, как водку — с 11.00), Жадан заработал первый скандал на новом месте работы. Но, отдадим «Труду» справедливость, именно ему мы обязаны тем, что, когда на поминках, кто-то называл Олега последним фельетонистом России, его поправили: ПЕРВЫЙ фельетонист (ах, сказать бы ему об этом при жизни!).

Что ж, так, как писал Олег, не писал и не пишет никто. Он писал безумно смешно, но — что куда важнее — совершенно естественно, не напрягаясь, не вымучивая остроты, счастливо избегая банальностей и тем более — пошлости. У него, большого, как бы неловкого и флегматичного, всегда была кинжальная реакция и удивительное чувство слова. Он и говорил-то своей негромкой ломкой скороговоркой едва ли не сплошными афоризмами, среди которых — никаких «домашних заготовок». «О! — сказал при встрече общему знакомому, по правде сказать, человеку действительно недалекому. — Поздравляю, приобрел марксистский головной убор (знакомый щеголял в легкомысленной шапочке с помпоном и на «марксистский головной убор» среагировал изумленно). Олицетворяет тезис о единстве формы и содержания. Дурацкий колпак!» Или — после редколлегии, где в очередной раз с отдела сурово взыскали за нерадивость и нерасторопность: «Бедный я, бедный! Кто у меня работает? Иллеш, Кулиш, Рост, Могилат, Оберемок... Да и сам я Жадан!..» В его стиль общения необходимо было въехать, чтобы отличать необязательный треп и порой злую насмешку, от нежности и внимания к друзьям, едва ли не болезненной деликатности, неуверенности в себе, ранимости, привычки переживать внутри то, что кажется неудачами. Мы вместе проработали в «Комсомолке» десять лет, причем последний год даже в одном отделе, но настоящая наша дружба началась, смею полагать, уже после, когда и встречались от случая к случаю. И только теперь я понимаю, что Олегу, всю жизнь проведенному, что называется, на людях и в людях, все больше и больше не хватало общения, поддержки, о которой он сам никогда бы не попросил, внимания к своим болячкам, о которых никому не рассказывал, да что там! — ему, наконец, не хватало просто нескольких слов в телефонную трубку: «Старик, я тебя сегодня прочитал, слушай, ты молодец, я так смеялся...» Того, то есть, на что он сам был необычайно щедр — к другим. Он умел и любил хвалить тех,

к кому хорошо относился, и комплименты его всегда выглядели настолько искренними, что им хотелось верить...

Ему нелегко жилось в последние годы. Не только потому, что богатств не нажил, взятки не брал, пиар-кампании не организовывал (наконец не выдержал, ушел из «Труда» за большими деньгами, большие деньги не состоялись; вообще оказался в полном смысле слова — на улице, последним и таким коротким глотком воздуха стала «Новая газета»)... Та журналистика, в которой он вырос и в которой умел делать все и ничего кроме, уходила. Игра со словом, запрятанная между строк подначка вытеснялись жесткой информационной прагматикой.

«После Жадана» фельетона действительно нет. Жанр остался в старых подшивках: зачем загонять «в литературу» то, о чем уже можно написать открытым текстом? Да и сама культура такого письма стремительно уходит, уходит, уходит...

«А что, Павел, — спрашивал Жадан, встречаясь в бесконечном коридоре нашей «Комсомолки», — нет ли у тебя под рукой бойкого на ногу мальчонки, который вот сейчас же сбегает нам за пивом?» Те мальчонки, которые, конечно, тут же находились, уже сильно выросли, некоторые из них даже доросли в свое время до руководителей президентской администрации или главных редакторов телекомпании «Вид»). Тем, кто подрастает, за пивом бегать уже не для кого.

ГЕННАДИЙ ЖАВОРОНКОВ

Сначала я печатал его рассказы (как молодого писателя) в «Московском комсомольце». Потом он оказался моим начальником в «Комсомолке», и это было, прямо скажу, невыносимо. Но — с трудом — эту обузу вынесли оба.

Какое-то время в его огромной коммуналке на улице Горького (сразу за Моссоветом) я едва ли не жил, какая-то идиотка даже нарисовала на обоях карикатуру с надписью «Гуля дурак». Мог вообще остаться здесь навсегда, до самой, что называется, смерти — сумасшедшая старушка-соседка раз зашла и доверительно прошептала: «Геннадий Николаевич, все нормально, эти суки у нас попляшут... Я включила конфорки, и теперь...» Мы не дослушали, рванули по бесконечному, с поворотами, коридору — на кухню, газ успели выключить... В другой раз, пока Генка проводил отпуск в Пицунде, с этой же старушкой случился очередной приступ, и она продала все жаворонковские носильные вещи, какие

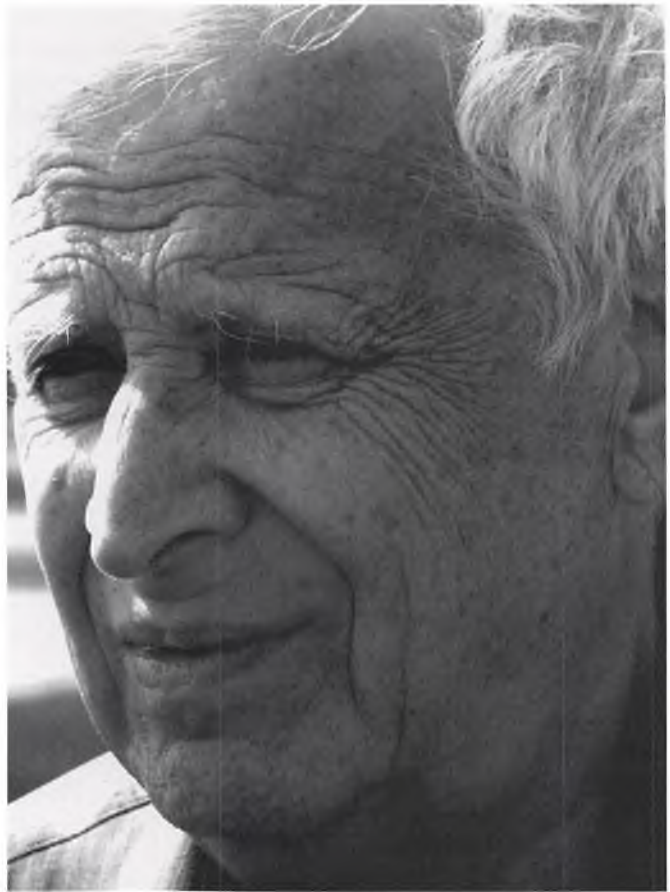

были. Жаворонков приехал с юга в маечке, на дворе октябрь, соседка, натурально, в психушке, надеть нечего, денег нет... Мы ему всей редакцией собирали, в полном смысле, с миру по нитке...

Вообще, в этой коммуналке проживало семейств десять, персонажи были колоритными запредельно. Генка был у них в авторитете, состоял ответственным квартиросъемщиком, мирил, воспитывал, давал советы, женил, хоронил, разводил, провожал на зону и встречал вернувшихся, выносил окончательные вердикты по ежедневно возникавшим конфликтам.

Ему все это самому очень нравилось, он чувствовал — и был — здесь абсолютно своим, естественным человеком, которому не было никакой нужды ни придуриваться, ни строить из себя кого-то особенного. Жаворонков вырос из послевоенной московской шпаны, каковой до самого конца, собственно, и оставался. Кандидат педнаук (отчего в близком кругу носил кликуху «Ученый»), преподавал в колонии для

несовершеннолетних преступников, закончил Литературный институт, работал в лучших газетах, написал книжки, за которые получал премии, дружил с академиком Сахаровым, обладал чудовищным взрывным характером и полным отсутствием чувства самосохранения, был несправедлив к окружающим и причудливо пристрастен... Любить его всегда было трудно, но я старался.

ЛЕОНИД ЖУХОВИЦКИЙ

Жаль, конечно, что все промелькнуло так быстро.

С Леонидом Ароновичем Жуховицким мы знакомы уже больше сорока лет.

С незапамятных времен на ты. То есть, это я с ним на ты — с незапамятных времен, а он со мной — все эти сорок три года.

Тогда еще не было мобильных телефонов и электронной почты, не было Интернета и, чтобы что-то узнать о жизни, журналисту приходилось ехать в командировку, трое суток шагать ради нескольких строчек, как говорится, а при посадке в самолет еще не спрашивали паспорта.

Мы работали в беспощадной газете «Московский комсомолец», лучшей в мире. Саша Аронов был зав школьным отделом, писал стихи, а Юра Щекочихин тащил за него на своих восемнадцатилетних плечах неблагодарную газетную текучку. «Л-леня, — звонил он по телефону сорокалетнему Жуховицкому, — у м-меня для тебя есть п-потрясающее письмо...»

Приходил Леня, знаменитый писатель и драматург, забирал письмо. Потом приходил снова, приносил текст, ответ девятикласснице Тане, которая настаивала на том, чтобы людей, пришивающих к своим клешам цепочки и даже электрические лампочки, присоединенные к батарейке в кармане (была такая тогда дурацкая мода), не пускали на школьные вечера отдыха (слова «дискотека» еще не было). Я тоже не люблю, когда человек выводит собственные штаны, как пуделя, на цепочке, писал Жуховицкий. Но весь вопрос в том, кто будет определять — кого пускать на вечера отдыха, хорошо — если мы с Таней. А если как раз эти, с цепочками?.. Так что, писал Жуховицкий, решительных мер я опасаясь...

Согласитесь, очень злободневная постановка вопроса. Цепочки, во всяком случае, остались в изобилии, и именно их обладатели, похоже, повсеместно возглавили службу фейс-контроля.

Жуховицкий вообще, странное дело, всегда очень злободневен.

А мы с Щекочихиным между делом освоили замечательную игру: забрасывали по очереди спичечные коробки на часы вмонтированные в стену над дверью в кабинет. Навострились бросать через всю комнату, у всех входящих просили спички, и тут же бросали. Обеспиченные оралли на нас матом, но было поздно. Дальше жили без спичек.

На самом деле, уже тогда мы со Щекочем готовили людей к грядущему антиникотиновому закону...

Вообще-то Жуховицкий дружил с Ароновым и еще кое-с-кем из редакционных «стариков». Но он постоянно был рядом, он даже написал про «МК» нашумевший роман, который мы, сопляки, цитировали наизусть, подряд и вразбивку, многое помню до сих пор («Это великий писатель, — сказал я. — Твои дети будут изучать его в школе». «Наверное, — сказала Светлана. — Но почему он все время говорит о деньгах?» «Каждый говорит о том, чего у него нет. Если бы у него не было таланта, он бы говорил о таланте...»)

Название романа Жуховицкий взял из посвященного ему ароновского стихотворения.

Остановиться, оглянуться...
Внезапно, вдруг, на вираже,
На том случайном этаже,
Где вам доводится проснуться...

Мне кажется, сейчас Жуховицкий не любит, когда ему напоминают про этот роман, в чем-то, конечно, наивный (Аронов говорил, что это — сказка, в которой от сказки единственное: журналисты что-то решают), но я вспоминаю его с нежностью. И многое другое из написанного Жуховицким, вспоминаю с нежностью, небеспристрастно. Подаренные им новые книги прочитываю сразу же, не отрываясь.

Одна из них — «Как стать писателем за 10 часов». Очень полезная, познавательная, веселая, прекрасные советы, настойчиво рекомендую. Читайте, учитесь — и все получится! Десять часов ведь, в сущности, — это совсем немного.

Я, правда, писателем так и не стал — ни за десять часов, ни за триста десять. У Жуховицкого, смею надеяться, я учился (и может быть, даже — научился) чему-то другому.

Не только меня, очень многих, Жуховицкий — личным примером — учил и учит до сих пор своему отношению к профессии, к жизни, к слову.

...А от того «Комсомольца» практически никого уже не осталось.

Саша Аронов умер, уже давно, но три свои тоненькие книжечки успел подержать в руках, спасибо перестройке, спасибо Горбачеву. Единственный толстый том вышел уже после его смерти...

Юра Щекочихин стал депутатом Госдумы. Его убили. Следствие не ведется...

Жуховицкий сегодня один из немногих, кто связывает наше торопливое, жестокое время с тем, оставшемся в прошлом веке, с людьми, которые составляли славу этого века. Его серия газетных очерков под рубрикой «Шестидесятники» в «Деловом Вторнике» — о своих друзьях, Окуджаве, Аронове, Аксенове, Ахмадулиной... — это замечательная работа, невероятно важная, необходимая.

Может быть, это даже самое важное из того, что он сейчас делает. Он, понимаете ли, один из немногих, кто еще может смотреть на них вровень.

Он дает нам редкую возможность оценить это.

И в заключение приведу еще одно стихотворение Саши, тоже посвященное Жуховицкому, написанное через много лет после того, первого.

Оно так и называется: «Вторая попытка»

Хоть в бурной молодости нам,
Носящимся по всем волнам
Не без угрозы захлебнуться,
Закрыв глаза, летящим вниз,
И стоит выслушать девиз
«Остановиться, оглянуться», -

А все-таки, мой друг, теперь,
Когда, казалось бы, потерь
Подходят тягостные сроки,
И даже на крыле волны
Мы тайно обременены,
Таща с собой судьбы уроки,

Так все-таки теперь, когда
Смирна коварная вода
И столь ее покровы гладки, —
Мы станем жить
наоборот,
Как в сущности и жизнь идет:
Без остановки,
без оглядки!

ВАСИЛИЙ ЗАХАРЬКО

В свое время попал в «Записные книжки» Сергея Довлатова в качестве фигуранта юной (и недостоверной, как сам утверждает) истории. Блестящий репортер-известинец. Последний главный редактор газеты до катастрофы, постигшей ее в конце 90-х.

МИХАИЛ ЗЛАТКОВСКИЙ И ЛЮДА ТЕЛЕНЬ

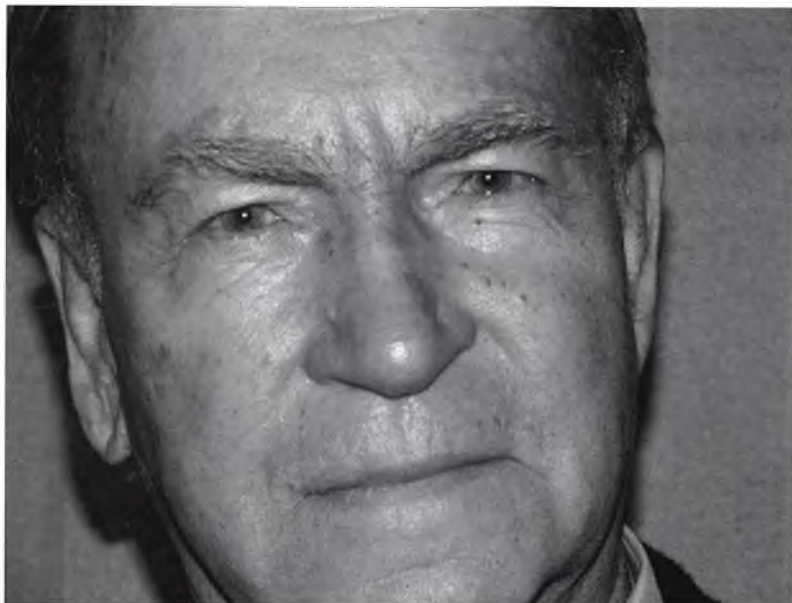
МИХАИЛ ЗЛАТКОВСКИЙ

Художник, президент Гильдии карикатуристов России, создатель лица «Московский новостей», «Литературки», «Новых Известий» на пике их популярности. Обладатель неисчислимого количества призов и премий на выставках по всему миру. «Золотое перо России»

ЛЮДА ТЕЛЕНЬ

Робкая маленькая девочка, пришедшая стажером в отдел пропаганды «Комсомольской правды», подозреваю, по блату (отец генерал-полковник, мать преподаватель журфака). Уже не в «Комсомолке» выросла в блистательного политического журналиста, стала заместителем главного редактора легендарных «Московских новостей».

Сейчас возглавляет еженедельник «Совершенно секретно». «Золотое перо России».

ИВАН ЗЮЗЮКИН

Вместе с обладателем другой веселой фамилии — Симоном Соловейчиком создатель «Алого паруса» в старой «Комсомольской правде». Автор цикла комсомолкинских же очерков под рубрикой «Люди, я расту!», счастливо сложившихся потом в замечательную книгу. «Золотое перо России».

ВЯЧЕСЛАВ ИЗМАЙЛОВ

Боевой офицер, прошедший Афганистан и Чечню, майор. Обозреватель «Новой газеты», в этом качестве долгие годы занимался вызволением из плена российских военнослужащих и освобождением заложников при Дудаеве и Масхадове, счет спасенных им идет на сотни.

ИГОРЬ ИРТЕНЬЕВ И АЛЛА БОССАРТ

Семья лауреатов высших журналистских и всяких других премий

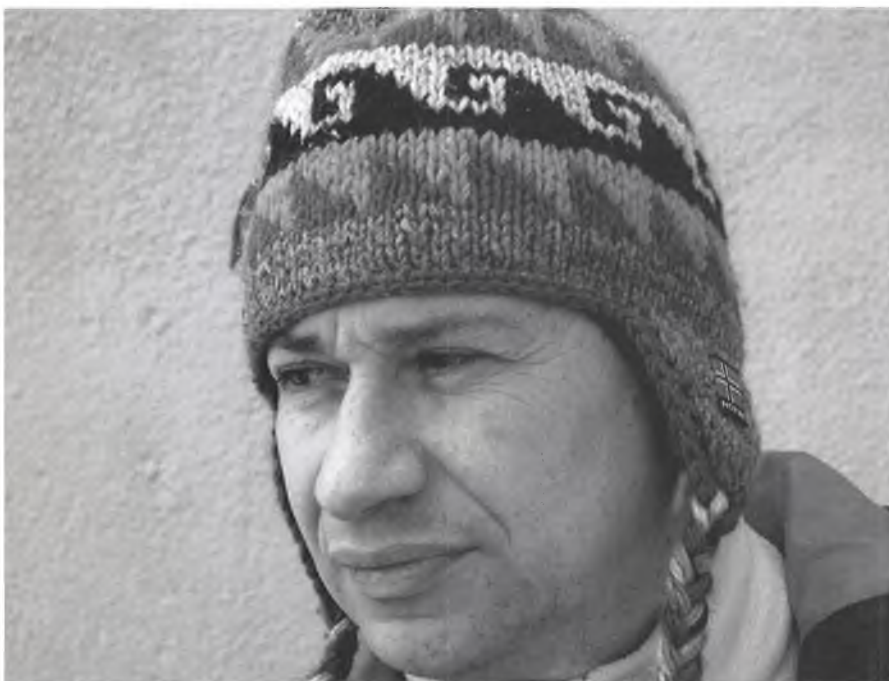
АЛИ КАМАЛОВ

Главный редактор махачкалинской газеты «Истина», председатель Союза журналистов Дагестана.

ВОЛОДЯ КАРА-МУРЗА

Выпускник истфака, при Советской власти — кочегар в жэковской котельной, подрабатывал репетиторством. В середине 90-х друг и однокурсник Добродеев позвал на НТВ, где Кара-Мурза быстро стал ведущим политическим обозревателем; после разгрома НТВ прекратил с Добродеевым всякое общение. Сейчас ведет передачу на Радио «Свобода». «Золотое перо России»

ВЛАДИМИР КАСЮТИН

Редактор районной газеты в ставшем впоследствии печально-знаменитом Крымске, затем пресс-секретарь Кубанского губернатора. Ушел. Ныне секретарь Союза журналистов России, главный редактор журнала «Журналистика и медиарынок»

СТАС КОНДРАШОВ

Наверное, лучший американист в отечественной международной журналистике за всю ее сложную историю. Его очерки из США постоянно печатал в «Новом мире» Твардовский. На презентации его последней прижизненной книги министр иностранных дел Лавров признался, что в свое время сотрудники посольств, не зная как реагировать на то или иное событие, обращались к газетным комментариям Кондрашова. Когда мы вместе работали, мне он казался суховатым и консервативным,

я предпочитал яркого либерала Бовина. Но сам Бовин предпочитал Кондрашова. Они дружили.

Из «Известий», где он проработал около полувека, новые эффективные менеджеры в самом начале Двухтысячных выгнали политического обозревателя Кондрашова «за непрофессионализм». Если б менеджеры не были такими самовлюбленными профанами в журналистике (да подозреваю, и во всем другом — тоже), я б заподозрил их в намеренном вредительстве. Надо очень постараться, чтобы так ничего не понимать. Надо просто не прочитать ни единой строчки из им написанного вообще. А уже после смерти Станислава Николаевича вышел том с его дневниками и письмами. И из них открывался совершенно неканонический «международник», обуреваемый грузом мелких и крупных проблем, рефлексирующий, постоянно комплексующий, до болезненности честный, при этом неколебимо верный своим убеждениям и пристрастиям, страстно желающий, чтобы у нас все получалось лучше, чем в этой Америке, но никогда не подстраивавший своих текстов под свои желания...

Тираж книги — 800 экземпляров. То есть, всем, что называется, хватит...

Писал Кондрашов удивительно чистым, ясным, живым русским языком. Всегда находил единственные слова и составлял из них единственные фразы.

«Легендой российской прессы» стал еще при жизни.

АЛЕКСАНДР КОПЕЙКА

Из владивостокской рыбацкой радиостанции «Океан» дорос до зампреда краевого телерадиокомитета. В 1990-м на волне распутившейся демократии стал депутатом первого состава Верховного Совета России, затем — зам председателя Судебной палаты по информационным спорам при Президенте. Когда Путин Палату закрыл (сразу после своего избрания), пришел к нам, в Союз. Здесь и служит по сегодняшний день.

ИГОРЬ КОРОЛЬКОВ И ГРИША ПАСЬКО

ИГОРЬ КОРОЛЬКОВ

Работал в «Комсомолке», «Известиях», «Московских новостях». Один из самых смелых журналистов-расследователей страны.

ГРИША ПАСЬКО

Военный журналист, капитан третьего ранга. После того как подготовил материал о намеренных нарушениях российской стороной взятых на себя обязательств по уничтожению устаревших видов оружия, был обвинен в шпионаже и осужден, хотя обвинение в суде полностью рассыпалось. Вышел по УДО.

ВЛАДЛЕН КРИВОШЕЕВ И НЕЛЛИ ИСМАИЛОВА

ВЛАДЛЕН КРИВОШЕЕВ

В Августе 1968-го работал в Праге — собственным корреспондентом «Известий». Не согласился освещать ту радость, с которой чехи встретили своих

освободителей, за что немедленно был отозван в Москву. В дальнейшей журналистике места ему не оказалось.

НЕЛЛИ ИСМАИЛОВА

Спецкор отдела культуры в «Известиях» от Аджубея до Голембиовского.

ИВАН ЛАПТЕВ И СЕВА БОГДАНОВ

ИВАН ДМИТРИЕВИЧ ЛАПТЕВ

Родился и вырос в Сибири, в Омской области, детдомовец. Потом ремесленное училище, работа в порту помощником крановщика. Занялся

спортом, стал двукратным чемпионом СССР по велогонкам, был приглашен в Москву, в ЦСКА, в сборную Союза, на хорошую стипендию, — то есть дальнейшая его карьера была, в общем-то, обеспечена. Но в двадцать семь он ее перечеркнул, навсегда убрал велосипед, поступил на факультет журналистики, честно окончил его, прошел по самым первым ступенькам в «Советской России», учился в Академии общественных наук, работал в «Коммунисте», защищал диссертации по философии (кандидатскую и потом — докторскую), до «Известий» был заместителем главного в «Правде». В «Известиях», встретивших его поначалу крайне настороженно, тем не менее развернулся и стал подлинным лидером этого ой как непростого коллектива. Кстати, Егор Яковлев (а уж он-то хорошо знал, что говорил), однажды заметил, что Лаптев очень отличался от других редакторов, которые сразу сделали четкий выбор и либо группировались у кабинета секретаря ЦК Яковлева, либо толпились в приемной секретаря ЦК Лигачева. Так вот, Лаптев сумел сохранить равные и корректные, в полном смысле слова — рабочие, отношения с обоими. При этом, добавлю от себя, главный «Известий» никому не позволял собой командовать, очень хорошо «держал удар» (за что сотрудники особенно ценят начальников), никогда не переадресовывая его вниз, на подчиненных. Собственно говоря, Лаптев вел газету достаточно жестко и, хотя с ним всегда можно было сколько угодно спорить, переспоривать его удавалось немногим. Да, исходя из собственных взглядов на жизнь и собственного знания политической конъюнктуры, он четко определял для своей газеты границу возможного. Но можно было быть уверенным, что Лаптев не остановится перед ней ни за два, ни за четыре шага — он постоянно упирался в нее и двигал эту границу «дальше... дальше... дальше...» При этом он не старался сделать хорошую мину при неприятной игре и в иных случаях прямо говорил автору заметки, которую снимал из номера: напечатать это я пока не могу. Но все знали, что слово «пока» в этой фразе все-таки ключевое.

Что еще? На какое-то время Лаптев оказался свадебным генералом на безалкогольной свадьбе — председателем Всесоюзного общества борьбы за трезвость. Времена были для пьющих людей суровые, но именно тогда Лаптев разрешил «по бокалу шампанского» на редакционном новогоднем вечере. Я был в коллективе человеком новым, но в жизни кое-что уже понимал, и, помню, поразился отчаянности главного. Конечно, я угадал, «бокалом» и «шампанским» дело не ограничилось, и все же вечер прошел без эксцессов, и даже из председателей общества он ушел по своей воле.

В 1990-м Лаптева избрали председателем палаты Верховного Совета Союза. Я бывал в его кремлевском кабинете и свидетельствую: Царь-пушка была направлена точно в его окно. И мне всегда казалось, что под этим прицелом живет Лаптеву не особенно уютно. Во всяком случае многие знали, что Иван Дмитриевич очень хотел бы вернуться назад, в «Известия». И точно так же было известно, что его начальник и когда-то близкий приятель Лукьянов, с которым Лаптев уже давно и прочно рассорился, твердо сказал ему, чтобы о возвращении в газету он даже не думал.

Но Лаптев туда все-таки вернулся, став, после упразднения СССР генеральным директором издательского концерна «Известия». С января 1995-го — зам. председателя Комитета по печати Российской Федерации. В том же году — председатель.

...Давая в день этого назначения интервью НТВ, я, помню, сказал, что, на мой взгляд, Ивану Дмитриевичу следовало бы еще немного побороться, чтобы избежать полученного портфеля. И не потому, что он этого портфеля не заслуживает, но потому, что занятый им пост, к сожалению, уже тогда был мало рассчитан на серьезного, сильного и независимого человека.

То есть, образно говоря, державная Царь-пушка пристально смотрела и в это окошко. Сможет ли он «переглядеть» ее и на этот раз — я очень сомневался, хоть и хотел бы ошибиться.

Не ошибся.

Лаптев просидел в этом кресле еще четыре года. Путин его снял, кажется, первым из министров. Назначил, если кто помнит, Лесина.

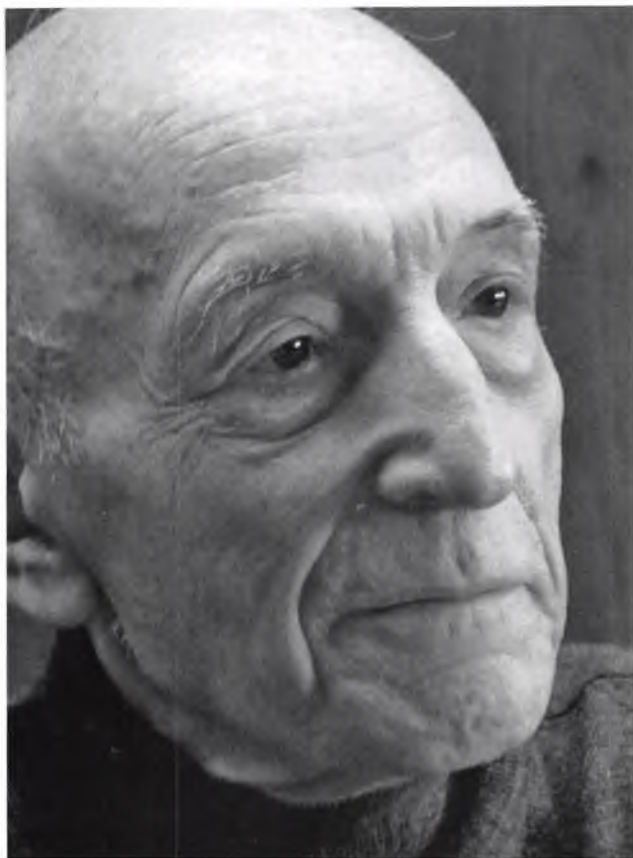
Царь-пушка выстрелила.

СЕВА БОГДАНОВ

С ним мы работали вместе в «Советской России» — в соседних отделах. Сейчас он мой начальник, поэтому ничего про него рассказывать не буду.

Скажу только, что сам он жалуется, будто Гутионтов на него постоянно орет.

Это не так.

АЛЕКСАНДР ЛЕВИКОВ

Это он сочинил в 1962 году ту самую, знаменитую песенку о журналистах, Ваню Мурадели написал музыку, Трошин спел...

«Трое суток не спать, трое суток шагать, ради нескольких строчек в газете», — немедленно превратилось в самый изъезженный штамп о нашей профессии, над которым измывались несколько поколений коллег. Известинец Друзенко, например, придумал такую пародию.

Ранним промозглым утром через пустую Пушкинскую площадь третьи сутки ползет изможденный репортер. Он добирается до знакомой двери, с трудом открывает и шепчет вахтерше: «Тетя Люда, скажи ребятам в секретариате: третий аммиачный... пущен!..»

На самом деле Левиков был одним из лучших обозревателей легендарной «Литературки», по его публикациям учились легионы профессионалов. Да и текст песенки, вроде бы, такой наивный и незамысловатый, на сегодняшний взгляд, вдруг оказался совсем не так прост и вызывает неоднозначные чувства.

Все-таки кое-что из утраченного хорошо бы и вернуть.
Если, конечно, получится.

Человек над картою затих
И его по-дружески поймешь,
Сердцем он давно уже в пути.
Новый день, куда ты приведешь?
Там, где караван тревожит редкий
Солнцем напоенные барханы,
Где проложат трассы семилетки,
Мы с тобой поедем утром рано.

Трое суток шагать,
Трое суток не спать
Ради нескольких строчек в газете.
Если снова начать,
Я бы выбрал опять
Бесконечные хлопоты эти.

И о том, что дал рекорд шахтер,
Что пилот забрался выше звезд,
Раньше всех расскажет репортер,
От забоя к небу строя мост.
Он с радистом ночью слушал вьюгу,
Версты в поле мерил с агрономом,
Братом был, товарищем и другом
Людам, накануне незнакомым

Правде жизни верные во всем,
Этой правды негасимый свет

От своих блокнотов донесем
До потомков через толщу лет.
Куплены в дорогу сигареты,
Не грусти любимая, родная,
В путь зовут далекие планеты,
Но пока я близко улетаю.

ЛЕОНИД ЛЕВИН

Когда-то возглавлял отличную газету «Молодежь Якутии». Ныне владелец одного из самых успешных региональных медиа-холдингов — «Норд-пресс». Невнимательная власть упустила момент, и ныне с Левиным ничего поделаться не может; и когда попытались отринуть его от государственной типографии, он просто купил в Германии печатную машину, приволок ее по Севморпути и Лене, установил ее и в неравной конкурентной борьбе едва не довел до разорения всех своих противников. Сегодня входящая в левинский холдинг еженедельная общественно-политическая газета «Якутск вечерний», стала самой популярной и влиятельной в республике. И три года назад даже получила Премию Правительства России, невзирая на свою принципиальную независимость и оппозиционность.

СЕРГЕЙ ЛЕСКОВ И ВАЛЕРА КОНОВАЛОВ

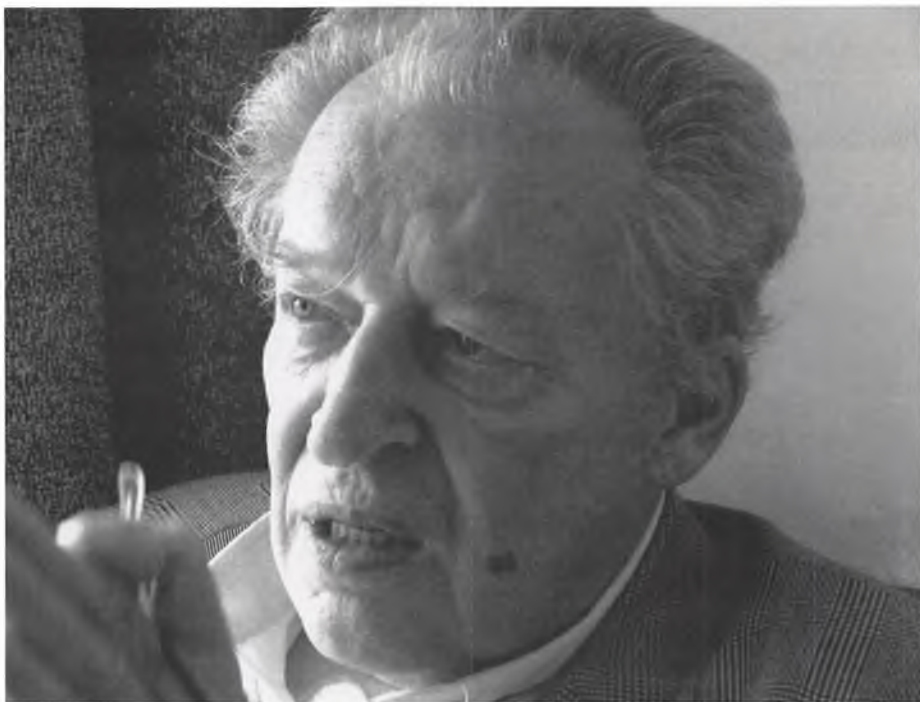
СЕРГЕЙ ЛЕСКОВ

Инженер по образованию, начинал в отделе спорта «Комсомолки» (из эпитаграммы про него тогдашнего: «Не Лесков, — вздохнул Песков»), затем научный обозреватель «Известий», ныне — спецкор ИД «Коммерсант», один из тех журналистов, кого надо читать всегда и внимательно. Сильный шахматист.

ВАЛЕРА КОНОВАЛОВ

Собкор «Комсомолки» по Ростовской области, во время перестройки написал первую в центральной печати статью о Новочеркском расстреле.

Работал в «Известиях», и как-то рассказывал замечательную историю. Придумал он цикл откровенных интервью с главами регионов, звонит одному губернатору (называет фамилию), предлагает встречу. — Очень, очень интересно, — отвечает тот. — Давайте Вам перезвонят. Перезванивают. — Сколько это будет нам стоить? — Нисколько! — отвечает слегка изумленный Валера. — Тогда никакого интервью не будет. — Но почему?!. — Потому что в таком случае Вы будете сами вопросы задавать и такого понапишете... Этот губернатор в свое время едва не стал президентом России, но Бог уберег, как говорится...

ГЕННАДИЙ СТЕПАНОВИЧ ЛИСИЧКИН

Закончил МГИМО с красным дипломом, был распределен на отличную заграничную работу, но вместо нее отправился на целину руководить отстающим колхозом. Колхоз, естественно, согласно всем законам жанра, вытянул и только после этого вернулся в Москву, стал обозревателем «Правды», в годы попыток экономических реформ печатал у Твардовского в «Новом мире» нашумевшие статьи, за которые из «Правды» достаточно быстро вылетел. Потом попытки реформ завершились, и Лисичкин ушел в науку, защитил докторскую по экономике. За журнальные публикации в годы перестройки получил премию Союза журналистов СССР.

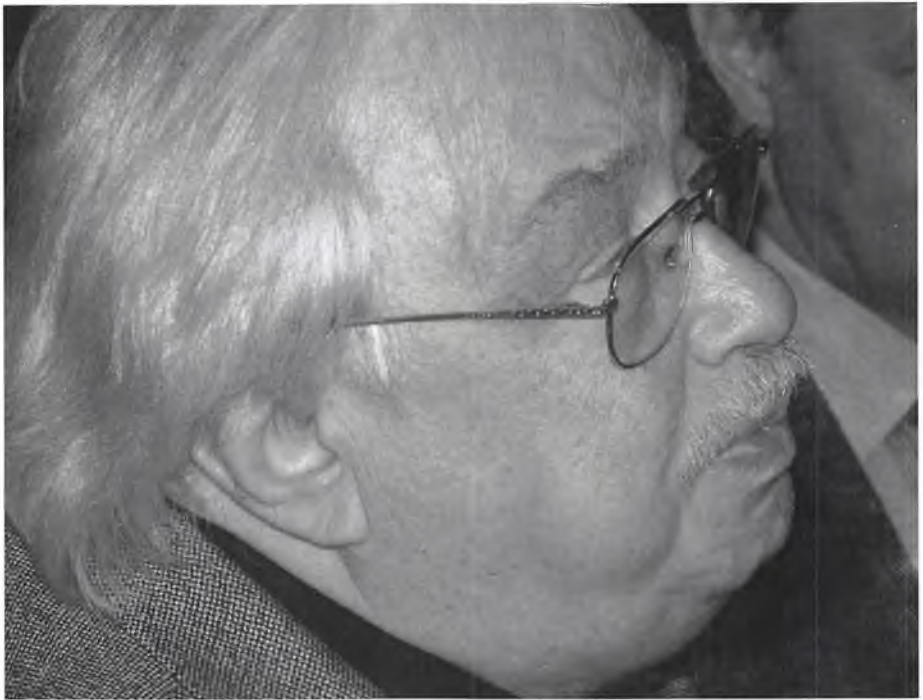
Меня под пытками заставил называть себя на-ты — Геной. Хотя какой, к черту, он мне — Гена?

ВИКТОР ЛИТОВКИН

Году в 88-м все возрастающая разнузданность прессы в очередной раз заставила власть пойти на экстренные меры, и в центральные газеты были отправлены комиссарами военные журналисты — чтобы хоть те писали об Армии, что и как надо. Скажем, в «Комсомолку» — майора Андрюшу Крайнего, нынешнего министра рыболовства, а к нам, в «Известия», — сразу двоих подполковников. Один после этой командировки вернулся к основной работе, при позднем Ельцине дослужился до серьезных генеральских погон, стал начальником главка в Минобороны, где сейчас — не знаю. Второго мы перевоспитали более успешно.

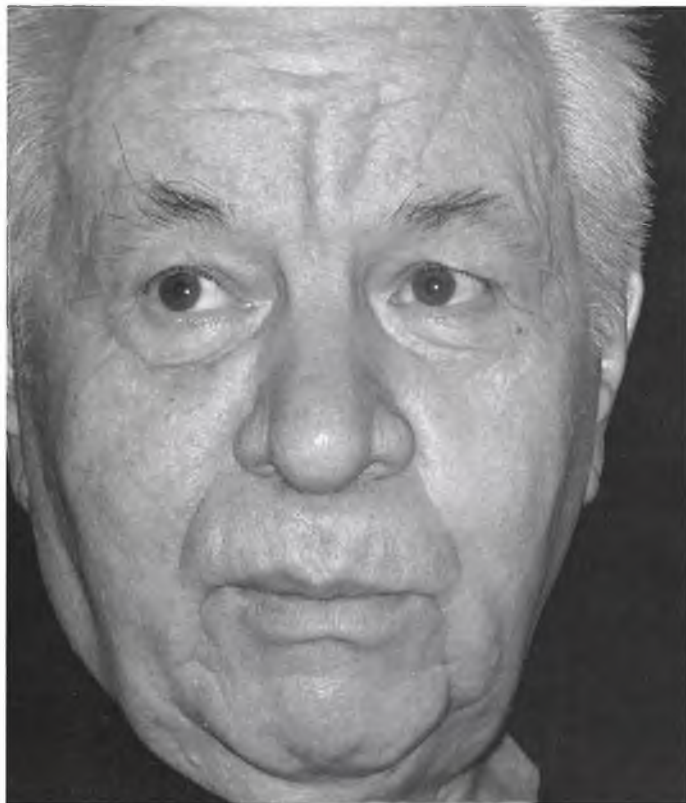
Ныне Литовкин обозреватель РИА «Новости», один из лучших в стране, кто пишет по военной тематике.

АНАТОЛИЙ ЛЫСЕНКО

Создатель всего лучшего, что произошло на советском Центральном телевидении из прославленной «Молодежной редакции»: «Взгляд», «12-й этаж» и пр. и пр. После перестройки — ВГРТК, ТВЦ... Здесь славы заработал уже ощутимо поменьше. Сейчас возглавляет «Общественное телевидение»...

«Легенда российской журналистики».

ДМИТРИЙ МАМЛЕЕВ

При Аджубее был ответственным секретарем в «Известиях» (помните, из «Острова сокровищ»: «Он служил у Флинта канониром!..») — и этого вполне достаточно для исчерпывающей характеристики. В дальнейшем работал в «Советской культуре», возглавлял престижные общественные организации, изъездил в этом качестве мир, написал книги...

ДАВИД МАРКИШ

Журналист, писатель, сын расстрелянного Сталиным поэта, в Израиль был отпущен аккуратно к началу Войны Судного дня, которую провел капитаном спецназа, адъютантом генерала Вейцмана, будущего президента страны. Очаровательный, заводной человек, лауреат российских литературных премий.

АЛЕКСАНДР МИНЕЕВ

Всю вьетнамскую войну провел собкором ТАСС в Ханое, а после того, как американцев победил, получил в награду за перенесенные неудобства, корпус в Париже. Только перебрался — на Вьетнам напал Китай, и Сашу немедленно отправили обратно... К счастью, эта война закончилась быстрее.

Сейчас собственный корреспондент «Новой газеты» по Западной Европе.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВ И ВАЛЕРИЙ ЕВСЕЕВ

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВ

Доктор философии из Челябинска, преподавал. И я до сих пор не знаю, как земляк Ненашев уговорил Михайлова все бросить и попробовать послужить в газете. Ничего у Михайлова, конечно, не должно было получиться, но — получилось, хотя выражение некоторого изумления на лице у него оставалось достаточно долго. После «Советской

России» работал у Горбачева, потом — в «Вечернем клубе» и журнале «Журналист».

«Золотое перо России».

ВАЛЕРИЙ ЕВСЕЕВ

Был главным редактором «Вечернего клуба» — лучшей московской интеллигентской газеты конца 90-х, потом в «Журналисте».

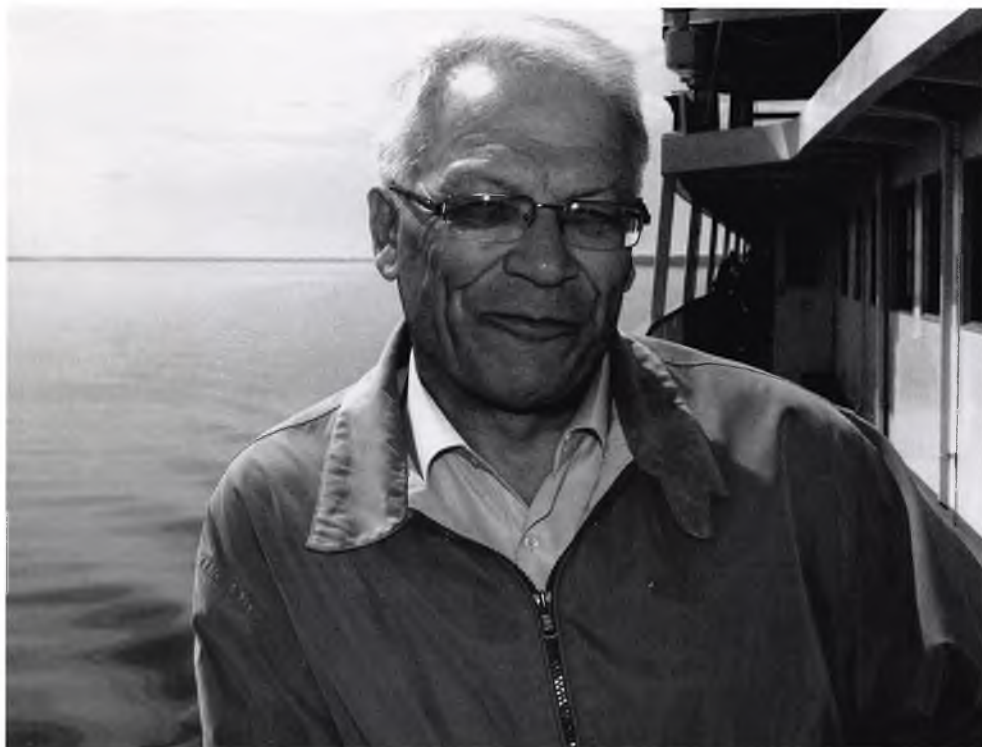
Умер в 2012-м.

ЛЕОНИД МЛЕЧИН

Журналист, писатель, телеведущий... На снимке — бутылка кока-колы, и это не случайно: этот напиток Млечин потребляет в промышленных количествах. А ничего лучше — не пьет.

Это его серьезный недостаток.

ВАСИЛИЙ МОСЕЕВ

Многолетний председатель Пермского союза журналистов, одного из самых-самых авторитетных и успешных в стране.

Умер Вася в 2012-м: остановилось сердце во время байдарочного перехода.

ДИМА МУРАТОВ И СЕРГЕЙ АДАМОВИЧ КОВАЛЕВ

В юности Дима играл в хоккей — вратарем. Поэтому, думаю, его незаслуженно доброе ко мне отношение основано исключительно на том, что он однажды узнал о моем мимолетном знакомстве с Харламовым. Многочисленные грехи и недостатки были с меня списаны немедленно и окончательно.

Еще Дима — главный редактор «Новой газеты», друг Роста и Горбачева.

АКРАМ МУРТАЗАЕВ И СЕРГЕЙ КАЛЕДИН

АКРАМ МУРТАЗАЕВ

Работал в «Комсомолке», «Правде», «Огоньке», в начале 90-х — один из создателей «Новой газеты», а также — нового газетного жанра: политического памфлета объемом в одну-две строчки. Поэтому, как никто другой из моих друзей, широко представлен в сборниках «Лучшие мысли человечества» (давно замечено: составители таких сборников лучшими всегда считают самые короткие мысли). Это он написал: «Поход интеллигенции во власть всегда имеет один итог: интеллигенции становится

меньше». «Легко свергать не вождей, а бюсты». «Раньше читали между строк. Теперь смотрим выключенный телевизор». А также: «Подросли такие девушки, что глупо покидать репродуктивный возраст». «Золотое перо России».

СЕРГЕЙ КАЛЕДИН

Всемирно известен как писатель, автор «Смиренного кладбища». Но «Золотое перо России» в 2010 году получил за серию очерков в «Огоньке», которые, наконец, тоже намерен издать отдельной книгой.

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ НЕНАШЕВ

Глубоко сомневаюсь в том, что он был таким уж демократом — в том смысле, который это определение получило у нас за последние годы. М. Ф. пришел в «Советскую Россию» крупным партийным функционером, всерьез не удовлетворенным работой той системы, частью которой сам являлся. Его личные качества — исключительная порядочность, честность, умение держать удар — не мешали ему быть, скорее, консерватором, которые, кстати сказать, тоже очень нужны в динамичном и развивающемся обществе, о котором мы столь долго мечтали и которого так до сих пор и не построили. А в тех условиях, в которых страна оказалась

к середине 80-х, консерватор Ненашев вынужденно стал прогрессистом и революционером, сыграл эту роль естественно и органично, а «Совраску» быстро сделал общепризнанно самой смелой газетой страны.

Помню, как его сняли (рассказывали, что несколько первых секретарей обкомов написали Горбачеву коллективный донос на Ненашева («расстреливает партию»), и Горбачев накануне съезда не решился на конфликт, главного редактора «Советской России» сдал, хотя оформилось это чуть ли не как повышение — перевел в министры. Ненашев тогда собрал коллектив и сообщил, что его только что вызывал «Юрий Кузьмич» (Лигачев любил, чтоб его называли именно таким образом) и просил передать работникам редакции, что газета «свою задачу выполнила». Еще Ненашев сказал, что в его судьбе было три решительных поворота, но этот — первый, который он переживает столь тяжело. Пожелал нам, остающимся, успехов...

Успехи, на мой взгляд, без Ненашева у «Советской России», к сожалению, не состоялись. За следующий год из редакции ушла практически вся ненашевская команда — причем, что показательно, в издания всех направлений, и в «правые», и в «левые», от «Огонька» до «Правды». Только в «Известиях» скоро работало шестнадцать человек, прошедших его школу...

А тогда... Кончался первый, романтический, период перестройки. И было вполне очевидно, что там, наверху, избавляются от человека, который не просто был на своем месте, но и украшал его, делал это место прекрасным и неповторимым.

Такого редактора у меня уже больше не было.

ОЛЕГ НЕХАЕВ И ЛЕОНИД ВЕЛИХОВ

ОЛЕГ НЕХАЕВ

Красноярец, один из лучших журналистов Сибири, «Золотое перо России».

ЛЕОНИД ВЕЛИХОВ

Зам. главного редактора газеты «Совершенно секретно», телеведущий одноименного канала, журналист-расследователь, лауреат премий.

ЛЕОНИД НИКИТИНСКИЙ

Скверик этот в чудесном волжском городке Мышкин. И назван скверик в честь редактора местной районки Василия Алексеевича Никитина, так что обозреватель «Новой газеты», хоть и «Золотое перо России», в данном случае просто примазывается к чужой славе.

ДМИТРИЙ ОСТАЛЬСКИЙ

Был главным в газете «Сегодня», потом пресс-секретарь Гусинского.
Чем занимается сейчас — не знаю.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПЕСКОВ

Про него нельзя сказать: с ним уходит эпоха. Он сам был эпохой.

Самый известный журналист второй половины XX и начала XXI века, он начал свой блистательный путь в воронежском «Молодом коммунаре» и

потом более полувека проработал в одной-единственной газете — «Комсомольской правде». Все, что он написал — он написал здесь.

С командировкой «Комсомолки» он провел зимовку в Антарктиде (книга «Белые сны» — как и все другие — составилась из газетных очерков).

Для «Комсомолки» он сделал самые знаменитые снимки космической эры: жена Гагарина Валентина у радиоприемника, и сам Гагарин — в приволжской гостиничке, после полета, играет в бильярд и — шар на первом плане.

В «Комсомолке» он придумал и осуществил неповторимую газетную акцию: в 1972-м сделал «с верхней точки» пятьдесят снимков пятидесяти «знаковых» мест Советского Союза. Акция посвящалась юбилею образования СССР, но ничего юбилейного в ней не было — была феноменальная журналистская работа: фото, короткие тексты к ним, и тексты эти даже сейчас можно учить наизусть, как стихи, безо всяких поправок на время.

Когда еще никто не знал слова «экология» он прошел «речку своего детства» и написал о том, что делают с Родиной, — так жестко и так пронзительно, как никто другой не умел и не умеет.

В 75-м он взял знаменитые «непарадные» интервью у опальных Маршалов Победы — Жукова и Василевского.

В начале 70-х вместе с другом, правдивистом Борисом Стрельниковым, он насквозь проехал на машине Соединенные Штаты и написал об этом путешествии с поразительной для того времени честностью и уважением к «Земле за океаном» и ее людям, Собранные под одной обложкой очерки тоже стали легендарной книгой, которую не грех бы внимательно перечитать и сегодня.

«Таежный тупик» — серия очерков о староверской семье Лыковых, ушедших из большого мира в хакасскую тайгу и проживших там десятилетия, стала мировой сенсацией на долгие годы. И, скажем, в Швеции клубы имени Агафьи Лыковой существуют до сих пор.

И, разумеется, персональная песковская рубрика в газете — «Окно в природу». Из которого несколько поколений наших сограждан учились смотреть в мир.

Список достижений можно продолжать еще и еще. Но даже одного из них с лихвой хватило бы на целую счастливую профессиональную биографию.

Конечно, он был хитрован, под крестьянского простачка косил замечательно, но никаким простачком, безусловно, не был. Он сам образовал

себя так, как не справились бы никакие университеты, под его вечной, внесезонной кепкой скрывалась не лысина, как у других, а золотая голова, позволявшая на равных общаться с академиками, министрами и президентами.

Кавалер орденов, отечественных и иностранных, лауреат Ленинской премии, лауреат премии Президента России, лауреат премий Союза журналистов СССР и Союза журналистов России... «Золотое перо России» мы ему вручали уже в этом веке — за цикл публикаций о проблемах сохранения лесов, за его борьбу против бездумно принимавшегося тогда Лесного Кодекса, в проект которого он добился внесения ряда принципиальных поправок. И не его вина, что многих принципиальных поправок в этот Кодекс все-таки не внесли...

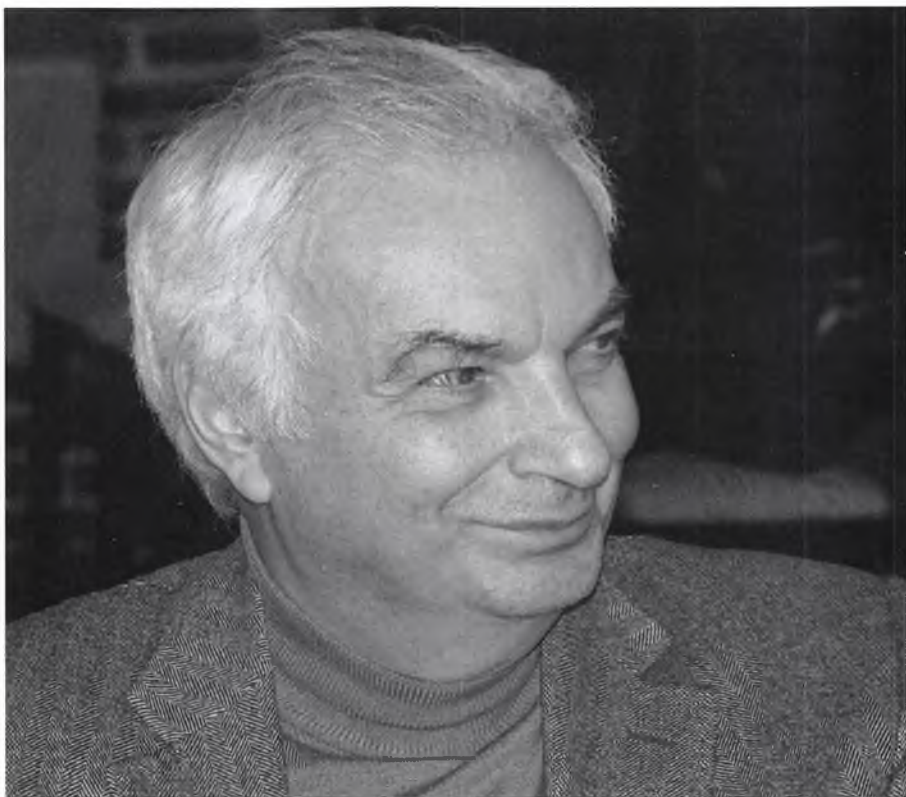
Это был великий журналист, такого уже больше не будет.

АНДРЕЙ ПИОНТКОВСКИЙ

Профессиональный американист. Самое ядовитое перо современной российской оппозиции.

АЛИК ПЛУТНИК

В старых «Известиях», когда мы работали в соседних кабинетах, иногда мне выпадало счастье заглянуть краем глаза в его творческую лабораторию. Вернувшись из командировки, он сначала исписывал крупным почерком (по пять-шесть слов на страницу) невероятное количество бумаги — как мне казалось, пачки полторы стандартных, не меньше. Потом шел в машбюро и надиктовывал текст — никто, кроме него самого, не смог бы разобрать ни буквы. Получалось страниц сорок. Потом Плутник, что получилось, сокращал и правил. Получалось тридцать.

Потом он диктовал еще раз четыре, пока, где-нибудь недельки через три, наконец, не оставался объем, приемлемый для газетной полосы.

Это и печатали. И тут же включали в редакционный список лучших материалов месяца.

Хуже всего приходилось, если изначально надо было написать маленькую заметку, например, предисловие для книжки Гутионтова, Плутник куда-то торопился, а сроки поджимали. Поэтому он отдавал текст, собственноручно сокращенный лишь два-три раза («лишнее выбросишь сам!»), а что-то выбрасывать было безумно жалко. Приходилось втискивать все, а все не втискивалось, а нравилось — все.

При этом раба из своих материалов ему не надо было выдавливать никогда в жизни, «воды», то есть, чего-нибудь лишнего, в тоже них не было изначально.

В общем, очень неэкономно работает Плутник. Что ему делать в современной газете, даже если когда-то он в ней был политобозревателем и членом редколлегии?..

«Золотое перо России».

ИНГА ПРЕЛОВСКАЯ И ТАНЯ ХУДЯКОВА

ИНГА ПРЕЛОВСКАЯ

Редактор отдела образования в старых «Известиях». При ней никакие безобразия с ЕГЭ, думаю, не проканалы бы ни при каких обстоятельствах.

ТАНЯ ХУДЯКОВА

В самом начале перестройки привела Таня малолетнего сына устраивать в школу. Школа хорошая, престижная, английская, ведет директриса их на собеседование. Татьяна, естественно, волнуется. И проходят они

перед стендом, на котором крупно — портрет Володи Ульянова, именно такой в те времена изображался на октябратских звездочках.

Перед стендом ребенок остановился: «Смотри, мама, — сказал звонким голосом, — маленький Бальмонт!»

Строгая директрисса зарыдала от счастья: «Никаких собеседований не надо!.. Мальчик принят!..»

В «Известиях» ведала социальной тематикой.

КИРИЛЛ ПРИВАЛОВ

Многолетний собкор сначала «Комсомолки», потом «Литгазеты» в Париже. Ведущий радиопрограммы о французском шансоне, автор нескольких книг на ту же тему.

«Золотое перо России»

АЛЕКСАНДР ПРОЦЕНКО

Совсем юным отслужил срочную в Армии, захотелось романтики, уехал в Норильск на Горно-обогатительный комбинат. Работал крановщиком в медеплавильном цехе; много лет спустя показывал мне партбилет, документ надежный, — зарплаты были тогда у него умопомрачительные. С этих зарплат и ушел потом в городскую газету, разница, скажу вам, зафиксирована там же и впечатление производит. Дорос до зама главного, вернулся в Москву — на совсем уже смешные деньги. «Молодой коммунист», «Труд», «Советская Россия» — здесь мы два года сидели в одном кабинете. За полгода до меня, в разгар перестройки, ушел в «Известия», где по итогам первой же командировки напечатал

замечательный материал о жизни шахтерского поселка в Ворошиловградской области — три огромных «куска». Эта самая жизнь представлена оказалась весьма впечатляющей: дикие, первобытные условия труда на шахте, разваливающиеся многосемейные бараки, отсутствие каких-либо удобств вообще, убогий быт, пустые полки магазинов, страшное, несмотря на всесоюзную борьбу с пороком, пьянство... И в конце третьего «куска» фраза:

«Да, я забыл написать, как называется сам поселок. Он называется — Стандартный». Точка.

Этой фразе я завидую до сих пор.

ЮРИЙ ПУРГИН

В самом начале 90-х ушел из «Алтайской правды» и с группой друзей основал новую независимую газету. Сейчас, через двадцать с лишним лет, он гендиректор огромного холдинга «Алтапресс», где получается все, несмотря ни на что. И хотя преодолевать «несмотря ни на что» с каждым годом ему все труднее и труднее, «Алтапресс» и его гендиректор держатся. Это неправдоподобно, но это — так.

БОРИС РЕЗНИК И ИРА ПЕТРОВСКАЯ

БОРИС РЕЗНИК

Борис «при мне» был собкором «Известий» по Хабаровскому краю, одним из лучших в той блистательной команде. Последние четыре, кажется, созыва — депутат Государственной Думы, член фракции «Единая Россия». И когда объявляют итоги очередного голосования и сообщают что один депутат от «ЕР» проголосовал против предложенного законопроекта, я вздрагиваю, и безошибочно угадываю, чью фамилию сейчас опять назовут, и опять боюсь за его дальнейшую судьбу. Но товарищи по партии Бориса за что-то терпят.

«Золотое перо России».

ИРА ПЕТРОВСКАЯ

Лучше нее у нас о телевидении не пишет никто. А так как телевидение у нас это — все, то Ира лауреат не только профессионального «Золотого пера», но и Президентской премии (от Ельцина), и Премии Правительства (от Путина). После Ельцинской премии ее выгнали из «Известий» в первый раз (ушла в «Общую», к Егору Яковлеву), второй раз — перед Путинской (ушла в «Новую»). Оба раза — за непрофессионализм, естественно.

Но сегодняшним «Известиям» без Петровской, я считаю, значительно лучше.

ЛЕОНИД РЕПИН И СТАС СЕРГЕЕВ

ЛЕОНИД РЕПИН

Инженер-строитель по образованию, начинал в «Пионерской правде», потом, едва ли не полвека, в «Комсомолке». Несгибаемый репортер, летал на воздушном шаре, месяц с еще двумя чудаками-экспериментаторами просидел «безо всего» на необитаемом острове в Тихом океане, уже в одиночку «заблудился в тайге» и с душераздирающими подробностями описал, как из тайги выбирался...

Он даже в тюрьме сидел, в грязной яме, в Анголе, и спасли его тогда португальские десантники... Через несколько лет на Командорских островах

меня заставили написать что-нибудь для местной районки, и я пересказал этот случай из репинской биографии. Об этом можно говорить? — осторожно спросил редактор. А, если нельзя, цензура снимет, — беспечно отмахнулся я. Какая, на фиг, цензура! — заорал редактор. — Нет здесь на острове никакой цензуры, Просто я раз в полгода вожу всю подшивку в Петропавловск, и мне за все сразу задним числом втыкают...

Но историю про Репина рискнул, и не выкинул. И репинская слава таким образом достигла недостижимых пределов.

Это смешно, но и с ним я какое-то время сидел в одном кабинете.

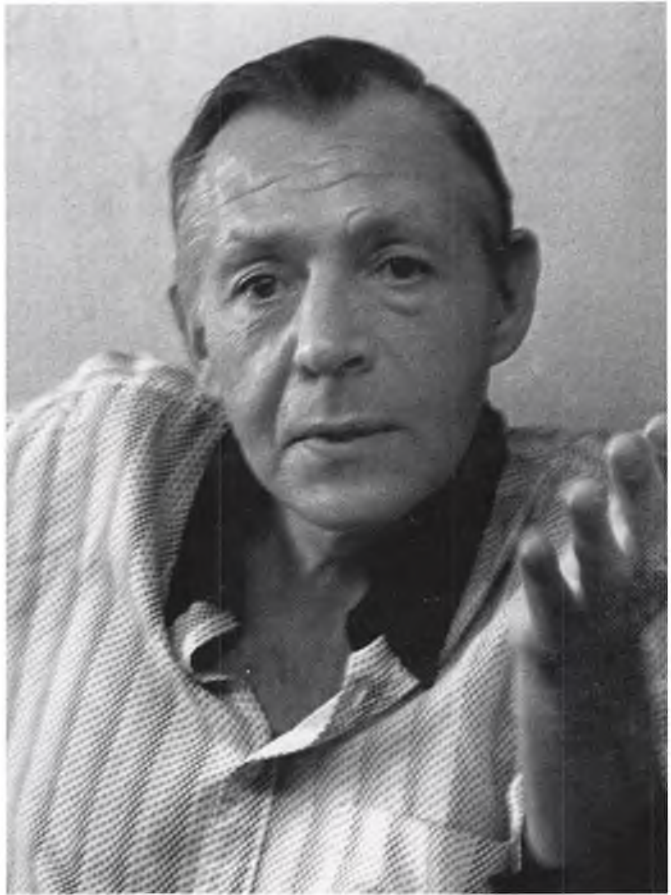
Однажды он подарил мне очередную книжку, и я высказал «фэ» по поводу обложки. Дурья голова, ответил Репин, посмотри, кто художник. Я перевернул страницу. Художник В. Суриков.

Действительно, в книжке Репина человек с такой фамилией может рисовать все, что угодно и как угодно...

СТАС СЕРГЕЕВ

С Репиным они, как однажды выяснилось, вместе год проучились, кажется, во втором классе. Потом пути несколько разошлись: Стас работал в «Известиях» при Аджубее, потом в «Советском Союзе» (тоже при Аджубее — заведующем соседним отделом), потом в «Советской России», потом опять в «Известиях»...

Оба — и Репин, и Сергеев — лауреаты очень редкой и очень престижной чисто репортерской премии — имени Гиляровского.

АЛЕКСАНДР РИГИН

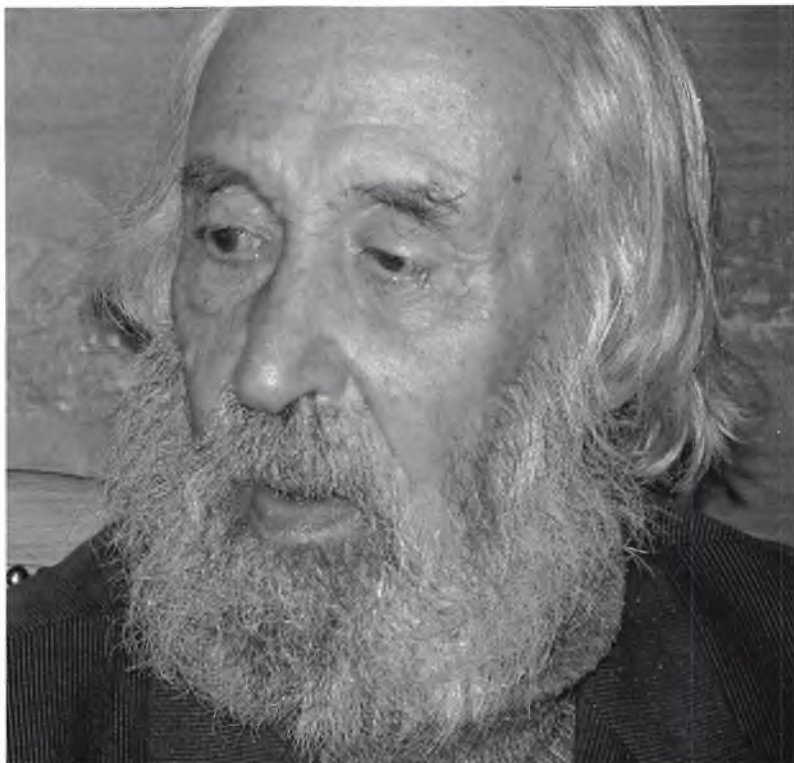
С ним мы работали в «Московском комсомольце», два совсем юных обалдуя. Одно время даже подписи к снимкам писали исключительно вместе, за двумя подписями. Потом для экономии усилий сократились до «Я. Ригионтова». А потом я из «Комсомольца» ушел...

Теперь писатель-детективщик.

МАРК РОЗОВСКИЙ

Художественный руководитель знаменитого Театра «У Никитских ворот», выпускник факультета журналистики МГУ. Мне очень нравится напечатанное им когда-то в журнале «Юность» «Школьное сочинение» про Бабу-Ягу. «Положительные черты: близость к народу. Отрицательные черты: костяная нога»...

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ РОМАНОВ

Обозреватель ТАСС, первый наш космический репортер — единственный журналист, допущенный на космодром, когда стартовал Герман Титов; рассказывал уморительно-смешные подробности этой командировки. Снимок я сделал, когда мы отмечали его девяностолетие.

ЮРИЙ РОСТ

Снимок сделан на открытии выставки его друга Бориса Жутовского, куда Рост пришел непосредственно от стоматолога и потому не выступал с речами о виновнике торжества, а страдал молча.

Рост поднимался на Эверест вместе первыми советскими альпинистами (и написал об этом замечательную книгу); спускался на дно Байкала на станции «Мир» (задолго до В. В. Путина); рассказал о собаке, которая «два года ждет» хозяина, бросившего ее в аэропорту «Внуково», и о «лжелезнодорожнике», который угнал вагон и полтора что ли месяца раскатывал на нем по стране; верно дружил с лучшими представителями

современников — от Сахарова до соседа Дanelии; получил Премию Правительства и «Золотое перо России», а также десятки других значительных премий и медалей; накануне собственного семидесятилетия с байкерами пересек Европу (до Тбилиси) на мотоцикле... Его подвиги неперечислимы, завидовать ему бессмысленно.

Последние годы работает в «Новой газете».

ФЕДЯ СИЗЫЙ

Существуют банальные истины, которые от повторения не перестают быть истинами. Каждый человек — это огромный мир, с тысячами притяжений и отталкиваний, разбегающихся и сбегающихся галактик, с загадочными черными дырами и вспышками сверхновых по периферии

сюжета. Уход одного необратимо меняет жизнь всех: меняются орбиты, зимы на окрестных планетах становятся холоднее, ледники потихоньку стекают на юг, и вот уже весь пейзаж вокруг — другой, другой, другой.

Вроде бы, все то же, да не то.

...Когда мы весело отмечали пятидесятилетие Федора Ивановича Сизого, моего друга, любимого человека, для специального выпуска газеты, подготовленного к юбилею, я написал заметку, в которой бегло перечислил кое-что из произошедшего непосредственно в день его рождения — 22 апреля 1959 года.

Буквально накануне, 20 апреля 1959 года, новый самолет Ил-18 отправился из аэропорта Внуково в свой первый пассажирский полет по маршруту Москва — Адлер — Москва. Теперь, из рассекреченных в лихие 90-е архивов, мы знаем, чему был посвящен этот полет, а тогда считалось, что просто идет рутинная подготовка к Олимпиаде 2014 года. Потому-то, кстати, и пустили Ил на два дня раньше, путая иностранных шпионов — еще одно проявление маниакальной тяги коммунистов к бессмысленному засекречиванию всего и вся. Точно так и ежегодные торжественные собрания будут посвящаться «дню рождения В. И. Ульянова-Ленина», и «коммунистические субботники»... Хотя весь мир прекрасно понимал, ЧТО именно празднуют на одной шестой части земной поверхности — от Киева до Салехарда.

Но тогда, в среду 22 апреля 1959 года мир был занят обыденностью и повседневностью. И только худенький мальчик в ленинградской коммуналке, еще не прочитавший «Щит и меч» и не отловивший голыми руками уссурийского тигра, умудренно смотрел в заоконье. А рука машинально выводила на листке: «Юстасу... Юстасу...»

Попробуй угадай тогда, что ему ответит Юстас.

«Челси» проиграла «Вест Бромвичу» — 0:2. Расходясь со стадиона пьяные лондонские болельщики повторяли грязное русское ругательство, еще в годы войны завезенное в Англию моряками полярных конвоев: «Абр-рамовитч! Абр-рамовитч!..» Безработица, налоги, отсутствие жизненных перспектив, а тут еще 0:2 от какого-то «Вест Бромвича»... Не позавидуешь англичанам.

Зато в мире социализма на чемпионате Вооруженных Сил СССР по тяжелой атлетике взвесили будущего победителя — Юрия Власова. Он потянул на 113 кг. И в этот же день рванул 151,5, толкнул 197,5, выжал 186 кило. Молодец, Власов!

И даже Пастернак, уже узнавший от пламенного комсомольца Семи-частного, что хуже свиньи, потому что достоин Нобелевской премии,

написал в этот день своему американскому корреспонденту некоему мистеру Вольфу: «Я еще не потерял веры в будущее»...

Будущее наступало решительной и уверенной походкой.

В Кустанае был организован завоз крупновозрастных деревьев ели и сосны из Аракарагайского лесхоза.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР село Пестяки было отнесено к категории рабочих поселков с тем же названием.

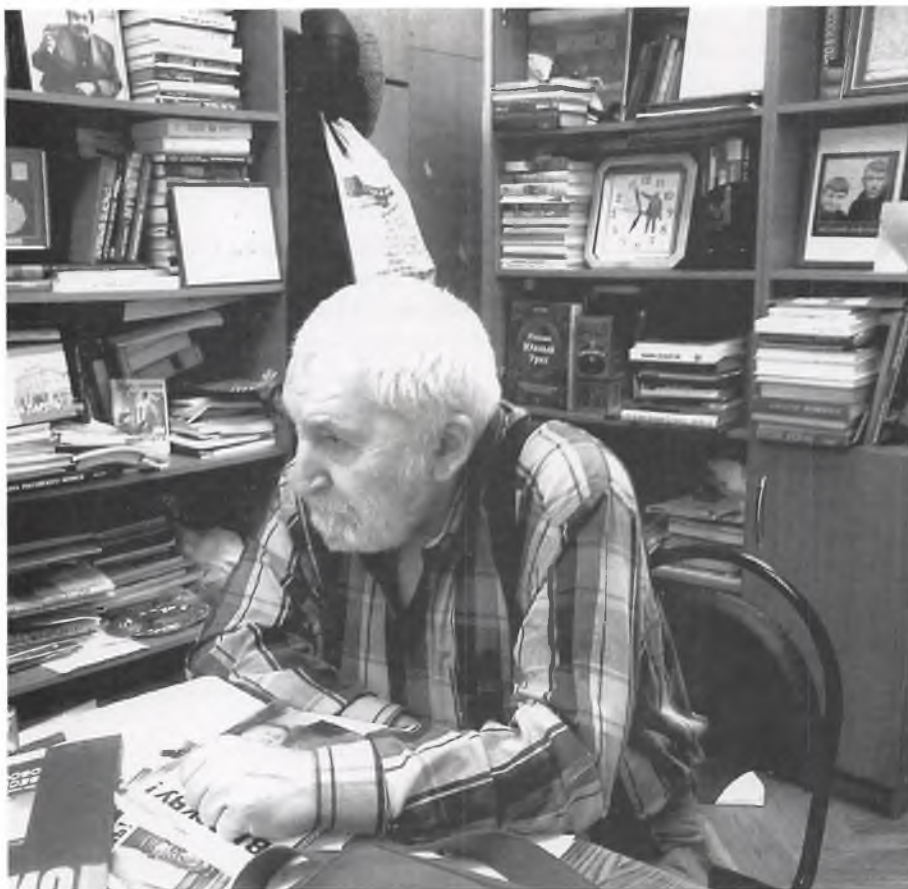
Будущий космонавт Евгений Хрунов завершил подготовку в двухгодичном Университете марксизма-ленинизма в городе Бельцы, Молдавия. И именно 22 апреля получил аттестат о высшем партийном образовании, каковое впоследствии сильно помогло ему на звездных орбитах.

И как венец всему свершенному — принят Закон о борьбе с самогонварением (незаконным производством спирта).

А уже на следующий день создан Союз журналистов Украины...

...Федор Иванович Сизый, генеральный директор ИД «Деловой Вторник», умер 23 июня 2011 года.

Мир стал другим.

АЛЕКСЕЙ СИМОНОВ

Как-то Леша Симонов, президент Фонда защиты гласности, назвал дело, которым занимается, — «веселым делом». Куда ж веселее!

Лариса Юдина приходила в эти кабинетики, приносила свои письма, а потом ее убили — в Элисте, рядом с собственным домом, и никакой Фонд спасти ее не смог.

Защищать Гришу Пасько Симонов летал во Владивосток, произносил в военном суде горячие речи, и кому эти речи помогли, когда с самого начала всем ясно сказали: Пасько шпион, и точка? Шпион же должен сидеть в тюрьме — рядом с вором — а не писать всяческие глупости в газетах.

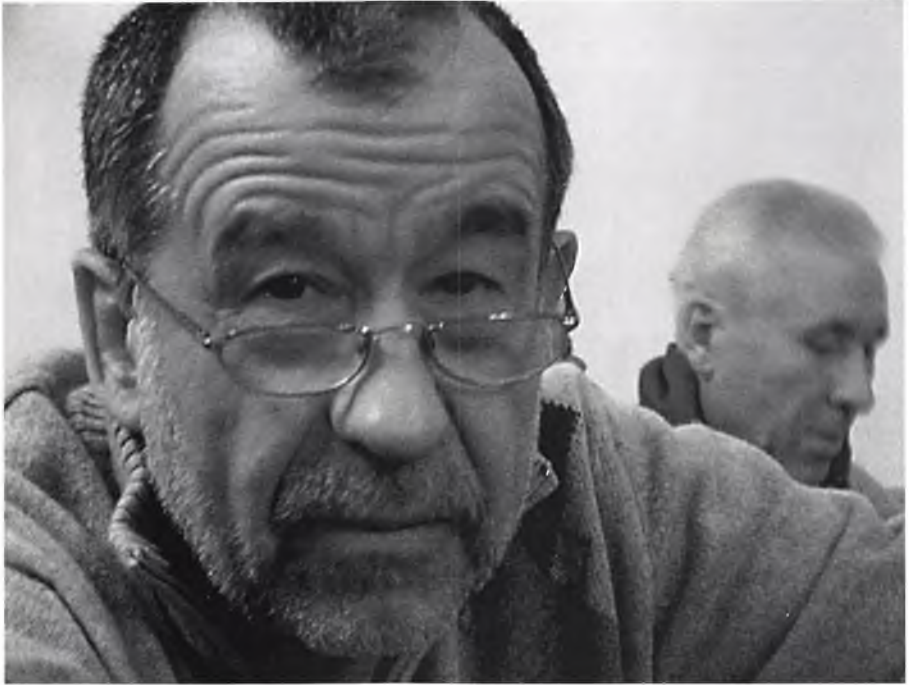
В Фонде лучшие в стране юристы разрабатывали в спорах поправки к старым законам и новые — с нуля — законы, которые сделали бы нашу страну честнее, свободнее и чище. Но разработки эти даже не читали, сразу совали в самый долгий ящик, те, кто, вроде бы, должен был вечно благодарить за то, что люди так хорошо делают ИХ работу.

А главное — слишком часто накатывало горькое подозрение, что и сами журналисты далеко не всегда стоят того, чтоб «трое суток не спать, трое суток шагать» — ради их, журналистов, никчемного права что-то там выкрикнуть и выплеснуть. Такую, прости господи, хрень читать иногда приходится, что даже читать стыдно, а они — пишут...

Три эпохи назад, еще при СССР, пленум Союза кинематографистов самонадеянно взялся защитить Гласность и учредил этот самый Фонд. Выполняя волю пленума, кинематографист Симонов «зашел» сюда буквально на минутку — вместе с Егором Яковлевым, Элемом Климовым, Марком Розовским, Алексеем Германом... Чтоб быстренько, значит, защитить и назад — к любимому делу. Но быстренько — не получилось. И удрать обратно — в кино — удалось не всем.

Практически все это время мы не только делаем одно (веселое!) дело, но и сидим рядом, в полном смысле — в шаговой доступности; я, помню, даже уступил Алексей Кирилычу собственный кабинет — в расчете на все ту же вечную благодарность, но, похоже, так ее и не дождусь. Зато, коль уж совсем худо, можно заглянуть туда, где все уставлено черепахами и черепашками разной нацпринадлежности. И станет, если и не еще веселее, то чуть легче.

Черепашка, чтоб вы знали, по слову Симонова, — это и есть гласность, ползущая к свободе слова.

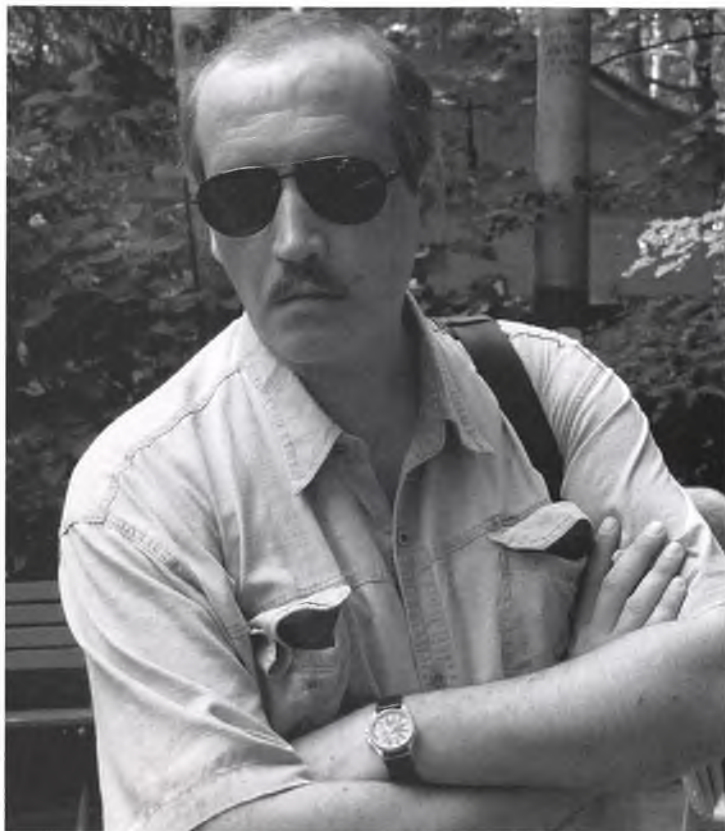

ВЛАДИМИР СНЕГИРЕВ

В «Комсомолке» придумал, пробил и обеспечил легендарные походы Шпаро на Северный полюс и с Северного полюса. Был собкором в Афганистане. Написал книгу «Рыжий» — об англичанине, убитом у московского Белого дома в октябре 1993-го, и книгу эту я считаю одной из лучших, написанных о человеке моей профессии.

Сейчас в «Российской газете».

СЕРГЕЙ СОКОЛОВ (МИХАЛЫЧ)

Зам главного редактора, руководитель отдела расследований «Новой газеты». Это его генерал Бастрыкин вывозил в лес и объяснял, что сейчас Соколова закопают в землю, а расследовать дело будет сам Бастрыкин.

Бастрыкин потом извинился, сказал, что у него произошел эмоциональный срыв, вполне естественный для человека его профессии и занимаемой должности. Сережа тоже продолжает заниматься своим делом.

Лауреат премии «За мужество и профессионализм» имени Казиханова.

ЮРИЙ СОЛОМОНОВ

Однажды, когда его жена вместе с маленьким Юрий-Юрьевичем уже вот-вот должна была вернуться из отпуска, мы с Соломоновым случайно разбили его домашний телефонный аппарат и были вынуждены срочно отправиться его чинить. Но в доме неожиданно нашли еще три сломанных аппарата, поэтому, чтобы зря не трудить ноги, мы их все собрали в мешок и отправились искать мастерскую. В пути ужас от происходящего как-то притупился, так что в автобусе мы быстро освоились и настойчиво предлагали незнакомым попутчикам: «Девушка, можно мы вам свой телефончик оставим?...» Те с понятным негодованием отказывались, и мы говорили: «Жаль, а то у нас последние кончаются...» Очень радовались.

А чего радовались-то? Кто бы нам по этим телефончикам позвонил? Куда?..

После «Комсомолки» Соломонов работал редактором отдела в «Советской культуре», замом главного в «Литературке» и в «Общей» у Егора Яковлева. Сейчас декан Высшей школы журналистики Международного университета в Москве.

«Золотое перо России».

ИГОРЬ ТРУФАНОВ

Новосибиржец. Работал собкором «Российской газеты». Ныне выпускает замечательный журнал «Неизвестная Сибирь», «Золотое перо России».

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ФЕОФАНОВ

Фронтвик. Один из великих обозревателей старых «Известий». В годы перестройки какой-то идиот пытаясь с ним о чем-то полемизировать, написал фразу: «Не позорить бы почтенному Феофанову свои седины...»

Седины на снимке представлены в полной мере.

ВИТЯ ХЕНКИН

«Лейтенант Хенкин!» — обращался я к нему, когда звонил по телефону. «Гвардии старший лейтенант!» — неизменно поправлял он. Мы когда-то работали в одной газете, газета была молодежная, так что несмотря на гигантскую разницу в возрасте всегда были на-ты, без церемоний. Витя вел шахматную колонку, он был неотразимо элегантен, он был трудолюбив и организован, но при этом по-гусарски разгулен, всегда готов поддержать и возглавить компанию, злоупотребить на рабочем или любом другом месте (это, кажется, от него я впервые услышал строки Кульчицкого: «Я раньше думал, лейтенант звучит: налейте нам!..»),

в компании он мог бесконечно читать стихи, его вкус, чувство юмора и талант собеседника были безукоризненны. Смыслов однажды на банкете после турнира в Сочи первый тост произнес: «За Хенкина!» И пояснил: «Один он у нас теперь остался, Виктор Львович» (как раз тогда эмигрировал Виктор Львович Корчной), но Хенкин был единственным безотносительно к Корчному. Вообще Хенкин всегда был отчаянным хулиганом: в «Комсомолке» в день открытия XXV съезда КПСС заметку про шахматы на последней полосе он озаглавил: «Пешка — душа партии» — и обошлось. А однажды, когда я опубликовал некий текст про десятиклассников из Воронежа, бестрепетно подписавших гневное опровержение газетного материала (опровержение было написано лично директором, а сами десятиклассники его даже не прочитали), Хенкин взял двадцать экземпляров этой газеты и разослал всем советским шахматистам, как раз тогда обнародовавшим коллективное письмо, шельмующее все того же Корчного. Эффект, рассказывал, был оглушительным...

У него был острый критический ум, природная порядочность, он всегда презирал врущую и ворующую власть, а, к сожалению, при другой за долгую свою жизнь пожить ему так, по сути, и не довелось.

Еще Хенкин дружил с Талем (и даже познакомил с ним меня), написал вместе с ним книги, изданные по всему шахматному миру (мне свои труды дарил с обидными надписями типа: «В абсолютно безнадежной надежде, что ты это прочтешь», но я читал, потому что Хенкин писал замечательно интересно даже о том, в чем я ни бельмеса не смыслю). Вообще он, что для профессионала такого класса совершенно нетипично, к своей любимой работе относился со здоровой самоиронией, и однажды опубликовал на юмористической странице уморительно смешной отчет-пародию с турнира по домино...

В 90-е Хенкин стал крупным латифундистом, приобрел участок в Нижегородской области, самолично растил там сельхозпродукты, что было немаловажно при его неистребимом никакими реформами хлебосольстве и умении готовить. Признаюсь, что и поэтому в течении многих лет я не пропустил у него ни разу ни 9 Мая, ни 1 января — день рождения.

Пропустил только однажды: у Хенкина родился правнук, именно первого января правнуку исполнился год, и счастливый прадед отправился в гости. «И знаешь, как его назвали?» — спрашивал, когда я позвонил по телефону. «Неужели — Виктор Львович?..»

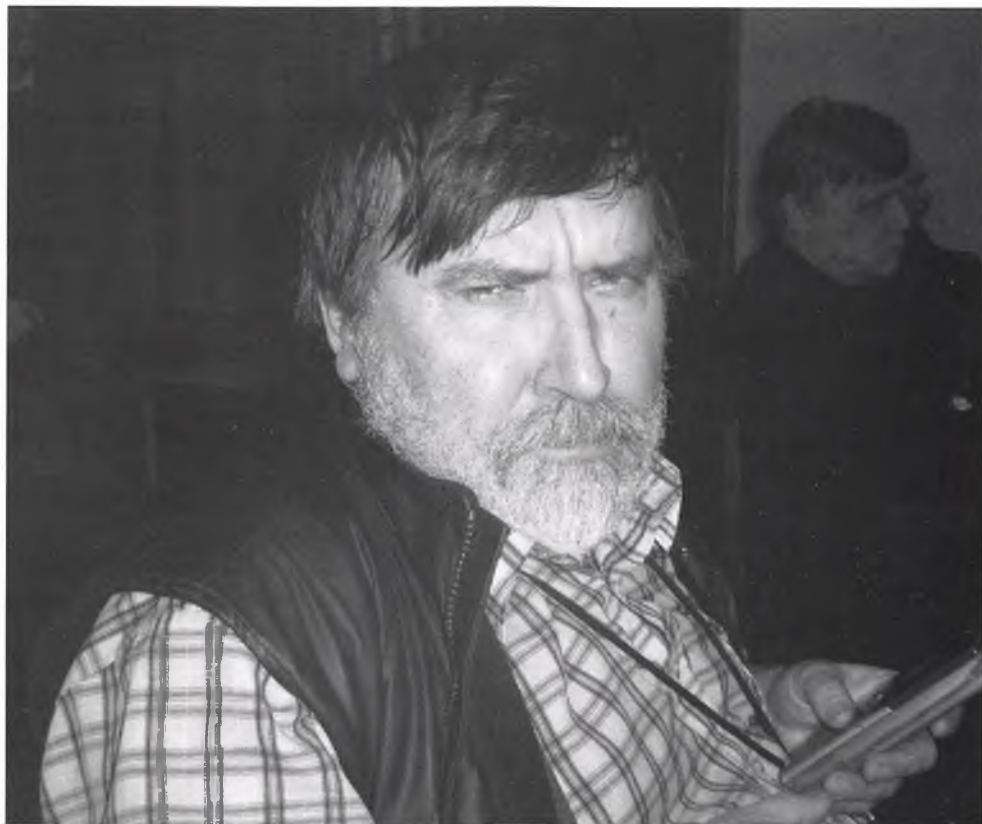
Виктор, Виктор, чего тут непонятного.

Моей жене, которая родом из Питера, комвзвода разведки Хенкин не уставал напоминать о своих заслугах перед ее родным городом: «Знаешь,

сколько я туда пайков перетаскал!..» Об иных заслугах никогда не распространялся, раненый, многожды награжденный, перенесший уже послевоенные инфаркты и операции — и все равно самый молодой в любой компании, которая вокруг него собиралась.

...В то утро он встал около шести, сказал жене, чтоб шла из-за компьютера, та отправилась спать. Когда Татьяна проснулась, он уже умер.

ВАЛЕРИЙ ХИЛТУНЕН

В «комсомолкинском» кабинете, где я сидел, было три стола, и за одним из столов сидел самый трудолюбивый из всех мною виданных людей — маленький финн Валера Хилтунен, Хил в повседневном общении. И раз, мучась страшной майской жарой 1975 года, второй мой сосед набрал номер телефона соседней комнаты и попросил Валерия Рудольфовича. В стену забили кулаком: «Хил! Хил! Тебя опять спрашивают, когда же это прекратится!..»

И Валера безропотно оторвался от бумажек, над которыми сидел са- мозабвенно, и отправился к соседям. А шутник всунул мне трубку в руку и побежал за ним, наблюдать за тем, что будет.

«Э-э... — сказал я, — Валерий Рудольфович? Это вы, э-э... писали поздравление «Пионерской правде», которое опубликовано в вашей газете?» — «Нет, не я», — на всякий случай быстро отвечает Хил. «Странно. В приемной главного редактора мне сказали, что вы...» — «Значит, я», — с готовностью соглашается Хил. «Это вас беспокоят из... э-э... Министерства культуры. Не могли бы вы подготовить для нас текст поздравления... э... английскому журналу для подростков. Ему... э... тридцать пять лет исполняется». — «Как называется журнал?» — немедленно спрашивает Валера. А черт его знает — как? «Приятель», — отвечаю. «Знаю, «Феллоу», — тут же реагирует Валера. — Но как насчет оплаты?» — Так-так-так, думаю я, а вслух укоризненно: «Какие могут быть разговоры, Валерий Рудольфович, мы вас не обидим». — «Я согласен. Но журнал прогрессивный?» — «Ну, Валерий Рудольфович, — возмущаюсь я, — наша организация к КГБ намного ближе, чем ваша, расположена...» — «Как вам позвонить?»

И я, представившись Кимом Ивановичем и назвав какую-то невообразимую фамилию, дал Валере телефон знакомой, у которой был огромный дог Ким.

Зашел Валера в наш кабинет, сел за свой стол, переписал на календарь телефон Кима Ивановича и вновь углубился в свои бумажки. А минут через двадцать вдруг — хлоп себя по лбу и за трубку. «Можно, — говорит, — попросить Кима Ивановича?».

И тут я впервые в жизни увидел, как человека неведомой силой поднимает в воздух. «То есть как — сдох?!» — выдохнул он, так и оставшись висеть над креслом.

Оказалось, что по трагическому стечению обстоятельств, именно в это утро дог действительно сдох, чего я и заподозрить не мог, как вы сами понимаете, иначе б, конечно, в любую жару так шутить поостерегся... В семье, где собака прожила двенадцать лет, ясно, думаю, какое настроение, а тут звонят, издеваются. Кима Ивановича ему!..

«То есть как — сдох?! — спрашивает, значит, совершенно ошеломленный Валера. — Я же с ним пятнадцать минут назад разговаривал?!»

Выслушал ответ, опустился в кресло, трубку повесил, прямо перед собой сквозь стену смотрит. И в пространство же произносит, вполголоса: «Пятнадцать минут назад разговаривал, а сейчас — сдох...» И прибавил тут Валера такую непечатную характеристику, очевидно, в свой адрес услышанную, что уже я чуть со стула не полетел. И замер Валера.

«Но почему — СДОХ!..» — почти прокричал потом; хоть убейте, не вязалась никак подобная оценка сослуживцами из Министерства культуры произошедшей на их глазах трагедии, когда человек скорострительно умирает на своем рабочем месте, едва успев заказать поздравление английскому журналу.

А тут позвонила по внутреннему секретарша из главной редакции и вызвала нашего шефа к руководству. Возвращается тот и с ходу на Хила: «Ну, Хил, все». А чтоб Валеру напугать, этого было вполне достаточно: «Что, что, Гена, случилось?» — «Это я у тебя должен спрашивать, что случилось! Кто тебя за руки тянул поздравлять фашистский журнал?»

Ну, тут, я вам скажу, такое началось!.. С Хилом второй раз за эти полчаса плохо стало. «Гена! Я не виноват! Это Ким Иванович!.. Он скорострительно скончался!.. Журнал прогрессивный!.. Их организация ближе к КГБ!..» — «Даже и слушать тебя не хочу. — отвечает суровый шеф, — совсем ты уже заврался, давай готовься, завтра на редколлегии отвечать будешь. Я за тебя уже получил свое, но уж и ты, будь уверен, свое получишь... Пошли, Пашка, кофе пить».

И вот пьем мы с шефом кофе, и распаивается дверь буфета, и заходит первый зам. главного, и произносит на весь зал: «Геннадий! Да утихомирь ты наконец своего Хила! Сиж у меня, работаю, влетает он в кабинет, глаза горят: какой-то журнал, кричит, придерживается прогрессивных убеждений! Кто-то кричит, умер... Я ему: да выйди из кабинета!..»

Когда мы вернулись к себе, Валера сидел уткнувшись лицом в руки: «Он меня даже не захотел дослушать!..» — и нам три дня пришлось всем отделом убеждать его в том, что он пал жертвой вовсе не провокации спецслужб, а веселого дружеского розыгрыша.

* * *

Последний раз я видел Хила года четыре назад, в Сыктывкаре. Кончался ноябрь, было морозно. На учредительную конференцию финно-угорских журналистов Хил забрел случайно — в полном смысле слова, потому что возвращался из пешего путешествия по Европе, как был, в шортах и сандалиях на босу ногу. Сразу произнес зажигательную речь и тут же был избран членом президиума Ассоциации.

ОЛЕГ ХЛЕБНИКОВ И ТОЛЯ КОБЕНКОВ

ОЛЕГ ХЛЕБНИКОВ

Девятиклассником прислал из Ижевска, где родился и вырос, стихи в «Комсомольскую правду», стихи попали к Щекочихину, Юра отнес их Борису Слуцкому, тот написал предисловие, и огромную по газетным понятиям подборку напечатали, чем, собственно, и определили судьбу автора. Автор пытался все-таки судьбе сопротивляться, закончил технический вуз, защитил диссертацию...

Но потом стал самым молодым членом Союза писателей, перебрался в столицу, мыкался по углам (в основном, жил на кухне все того же

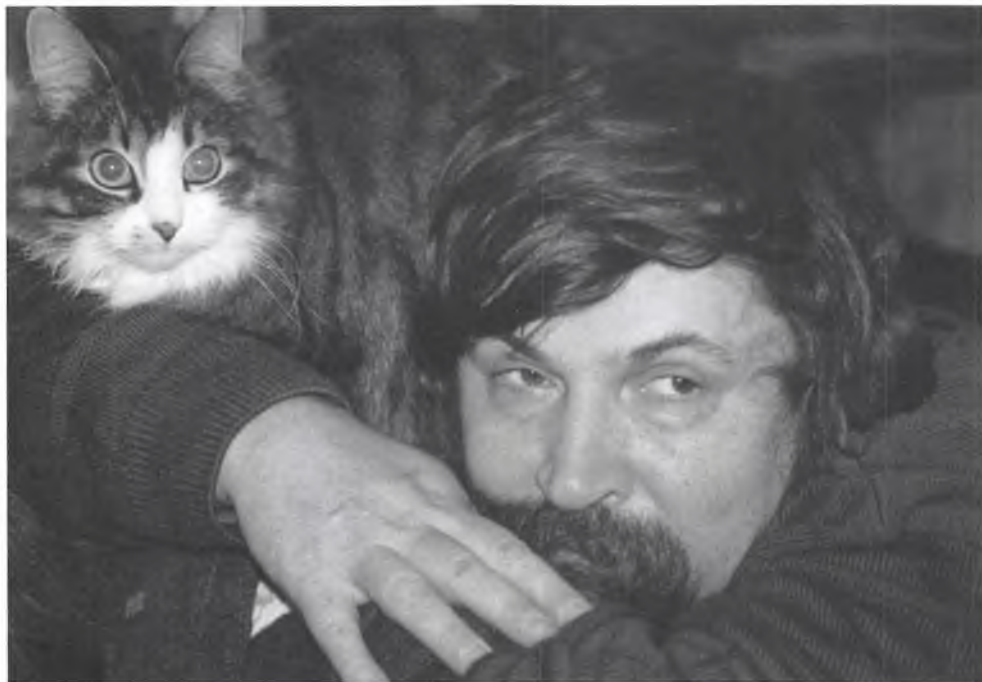

Щекочихина), выпускал книжки, работал в «Крестьянке», в перестроечном «Огоньке», сейчас — зам главного редактора «Новой газеты», ведет специальную вкладку «Правда ГУЛАГа».

В 2013 году Хлебникову присуждена «Новая Пушкинская премия» — наверное, самая престижная награда в современной русской литературе.

ТОЛЯ КОБЕНКОВ

Поэт, журналист. В начале этого века переехал из Иркутска в Москву, нашел достойную работу... И все оборвалось. Его могила теперь на Переделькинском кладбище в одном ряду с могилами Юрия Владимировича Давыдова и Юры Щекочихина.

АНДРЕЙ ЧЕРНОВ

Поэт, автор принципиально новых переводов «Слова о полку Игореве», высоко оцененного Лихачевым, и «Гамлета», оригинальный исследователь Пушкина и декабристов. В годы перестройки работал в «Огоньке» и «Московских новостях».

Однажды он написал про меня стишок.

«Алло! Гутионтов?» «А он на топтушке. Звоните». Звоню. «Он верстается». Перезвонил. «Извините, Он выбежал». «Вышел?» «Нет, шапка на месте». Звоню Раз восемь на дню. И сбиваюсь. И снова звоню.

Апрель на носу. И декабрь. Наказанье какое...
«В отделе?» «Внизу. Вы по делу?» «Да, что-то такое...»
Ага, объявился... Не зря ж я тебя обругал.
«Чего тебе надобно, старче?» «Стишок написал...»
«Большой?» «Восемь строчек. Впечатан в набухший суглинок...»
«Погромче, здесь автор». «Подтаявший с вечера лед...»
«Донецк вызывает!..» «Проблема промокших ботинок
Опять перед нами встает...» Гутионтов орет
Сквозь топот печатных машин и печатных машинок,
Поверх телетайпов, засылов, квадратов, картинок,
Чтоб трубку не клал. Послезавтра в газете прочту,
Что он отлучился. На пару минут. В Элисту.

Послал же господь мне приятелей! В мыле и спешке
Проходит их век заводной. Позвонить бы Олежке.
Он тоже в газетах, поскольку известный поэт.
Но нет его дома. И дома-то, в сущности, нет.
«Алло, Гутионтов?» «А он на планерке». С галерки
Слежу за игрою друзей. И делю их восторги.
И фрукты кидаю в помрежа. И реже — цветы.
И сам не пойму, что б я делал без их суеты.

В отличие от снимка космонавта Батурина с котом, на снимке с Черновым — кошка, Кшися, и это черновская кошка. А Батурин, действительно, с котом, но с моим, Гайдпаркером.

ВАДИМ ЧЕРНЯК

Почти здесь, да не здесь.

На Чистых прудах, в доме, куда, по легенде, угодила фашистская бомба, да не разорвалась, но так и осталась — навсегда, в «старом» «Московском комсомольце», в коридорчике второго этажа, в комнатке отдела пропаганды, там он тогда работал.

В этом доме теперь «Новая газета» — но в «Новую» вход с противоположной стороны, с переулка.

Высокий, неправдоподобно красивый, горбоносый, строгий, в пиджаке, где с правой стороны, но не у лацкана, а ниже, как звезда у шерифа в вестерне, была привинчена какая-то милицейская награда, он был одним из символов «той» конторы, «той» газеты — на излете оттепельных шестидесятых, так и не принесших настоящего тепла, но породивших

напрасные надежды, только что подавленные танковыми гусеницами в Праге.

Холодало.

Дни январские белы, негорячи.
Вот опять не тает снег на мостовой...

— весело горланили мы, щенки, черняковскую песенку про одиночество, бросающее ее героя на промозглый сквер, где единственная живая душа — это приставленный к герою стукач, не злой и даже доброжелательный, сочувствующий даже.

...Лучше выпей, — Вася Чурин говорит. —
Это в наше время тоже ремесло...

Сколько ему тогда было, Черняку? Да лет тридцать с небольшим, совсем немного вроде бы.

...Все равно — какое дно,
И куда поставить ногу...
Что давно не слава Богу,
Слава Богу, все равно...

Как же — все равно!.. Жизнь только начинается, мы молоды, молоды, все друзья живы, это почтенный старец Черняк может безо всякого оптимизма смотреть в будущее, а уж мы-то...

И еще песенка.

...Слепо веруйте Христу.
Дорожите партбилетом.
Даже в этом, даже в этом
Соблюдайте чистоту.

Но эпоха категорически не желала слушать добрых советов, тем более — записанных в рифму и пропетых под раздолбанную гитару:

...И тем паче на посту
У порохового склада
Разводить костров не надо.
Соблюдайте чистоту!..

Пороховые склады росли, как торгово-развлекательные комплексы при Лужкове, а приставленные к этим складам часовые баловались спичками и чистоту не соблюдали категорически.

Что ж...

...Ошибается природа,
есть ошибки у народа...
Лишь поэты поступают верно!

Поэты поступали верно, время перекатывалось в семидесятые, восьмидесятые... Крутились магнитофонные бабины с тихим голосом Вадика. Где они теперь, эти записи? Нет записей. Несколько лет назад спрашивал — ни у кого не сохранились. Говорят, была кассета у Щекочихина, он искал и тоже не нашел, а сам Вадик уже давно не пел. Да и слова для редких публикаций подправлял, что-то дописывал, что-то вычеркивал, получалось — не скажу: хуже, но — по-другому. Не так, как навсегда когда-то врезалось в память, на Чистых.

Две тоненькие книжечки стихов, вышедшие с непростительным опозданием, когда у друзей-ровесников уже давно состоялись двухтомники в Худлите. А главное — сами стихи уже ушли с передовой общественного интереса, и две эти тетрадоочки за публицистическим набатом перестройки проскочили незаметно. Кто знал, тот, конечно, и так знал, что Черняк — замечательный поэт, но строки его уже не строили полки в шеренги и не вели — к главным целям, названным прямо и ясно. Вот так он и роман про Махно будет трудно писать, когда славным анархистом никто еще не занимался, да с публикацией подзадержится, а теперь издатели даже читать рукопись не хотят — все ведь уже сказано про этого Махно, даже фильм сняли, кто не успел — опоздал...

Будто жизнь, да и литература о жизни, — это всего лишь забег на четыреста с барьерами, и дело лишь в том, чтобы быстрее и выше поднимать ноги.

Открываю черняковскую книжечку наугад. Эпиграф из Пушкина: «Вот мельница, она уж развалилась...» И восемь строчек, написанных тридцать шесть лет назад, и, пожалуй, «закрывших тему»:

Вот поредевший ельник.
Стоял здесь мельника дом.
А там была запруда,
И сом ходил в глубине.

Спит раскулаченный мельник
Под елкою вечным сном.
Нетрудно себе представить,
Что́ он видит во сне.

А что мы увидим во сне, прожив эту жизнь, торопливо и суетно? Что?
...Вадим Черняк уходил от нас долго и трудно. Замечательно организованный, точный шахматный ум его сопротивлялся болезни, но отступал и отступал перед ней. Пока не остановилось сердце.

Что остается от человека?
Горсть табака, стопка бумаг.
Два башмака, если он не калека.
Если калека — один башмак.

Но если есть Тот свет, то Вадим как никто другой заслужил — хотя бы там — покоя и счастья. Он встретит друзей — Сашу Аронова, Окуджаву, Юрия Смирнова, Гену Шпаликова, Юлия Даниэля. Они будут передавать друг другу гитару, неспешно разговаривать о своем. И им наконец будет хорошо.

Будем ли мы достойны, чтоб они когда-нибудь пустили и нас в свою компанию?

ИЛЬЯ ШАТУНОВСКИЙ

Фронтовик-окопник, многолетний член редколлегии, редактор отдела фельетонов «Правды», органа ЦК КПСС, «главной газеты страны»

Однажды он меня чуть не убил. Мы ехали в поезде и вполне мирно беседовали о жизни. Пили пиво. Естественным образом разговор коснулся чеченских событий. И говорит мне Шатуновский: не представляю, мол, чтобы, когда мы воевали, в Берлине сидел советский корреспондент и передавал оттуда заметки со слов Геббельса. Извини, Илья, отвечал ему я, запомятовал, подскажи, с кем это тогда ты воевал — с объединенными силами всей Европы, или с Калужской областью? Ах ты!.. — нехорошо прищурился Шатуновский и потянулся за своей знаменитой клюкой.

Но я успел. Только не бей по голове! — закричал. — Все, что сказал, признаю произнесенным!..

И Шатуновский меня простил. Добрый человек. Мог бы ударить. Я ведь уже был свидетелем того, как он двинул этой клюкой гладкого ветерана-полковника, который всю Отечественную просидел резидентом в Австралии, а тут что-то неловко загнул про «нас, фронтовиков». И сержант Шатуновский не выдержал...

Он регулярно дарил мне свои книжки, которых написал неисчислимо. Я был воспитан все-таки на другой журналистике, и потому нравилось мне в этих книжках далеко не все. Так, в одной он среди прочего похвастался сомнительным, на мой вкус, достижением: по его фельетонам в «Правде», оказывается, получили тюремные срока чуть ли не полторы тысячи человек. Полная жуть. Но Илья этим искренне гордился.

А однажды, и я ему постоянно за это пенял, после его реплики в той же «Правде» закрыли замечательную забегаловку на Нижней Масловке. «Жалуются жители: антисанитария, пивных кружек не хватает, люди пьют из стеклянных банок... Завсегдатаи называют заведение «В мире животных»... Положим, завсегдатаи всегда называли эту пивную «Малая земля», как пивную на «Динамо» — «Возрождением» (она раз сгорела, но была восстановлена)... Но глумление над брежневской книгой в «Правде» было недопустимо и потому заведение Илья переименовал. Я полагаю, он случайно сюда забрел и был впечатлен увиденным. Результат был плачевен.

Хорошо хоть Шатуновский и сам понимал, что наделал, и в книжку своих воспоминаний этот подвиг все-таки не включил.

Кстати, именно в этой книжке я обнаружил замечательную опечатку. «Тогда я жид на Маросейке». Позвонил, похвастался находкой. Илья бросил трубку.

Но, в общем, невзирая на полное несовпадение возраста и биографий, жизненных и профессиональных представлений, мы с ним, можно сказать, странным образом дружили.

ВИКТОР ШЕНДЕРОВИЧ И ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Было так.

В Москву из Питера приехали родственники моей будущей жены, посмотреть на меня, и — скажу честно — первыми результатами осмотра остались удовлетворены не очень. И едем мы всей компанией на троллейбусе по Садовому. «Давайте выходить», — говорю. Мы, естественно, выходим, а на остановке стоит одинокий Витя, замечает меня: «Здравствуй, Паша», — мы жмем друг другу руки, обмениваемся парой слов, тут подходит следующий троллейбус, куда Витя и запрыгивает.

Полминуты минули как не бывали.

Это — Шендерович!?!.. — шепотом спрашивают будущие родственники.

Шендерович, — отвечаю с достоинством.

Вот и все. Мой рейтинг поднялся необычайно, все осторожные ко мне претензии снялись сами собой, будущие родственники даже попытались начать называть меня на-вы.

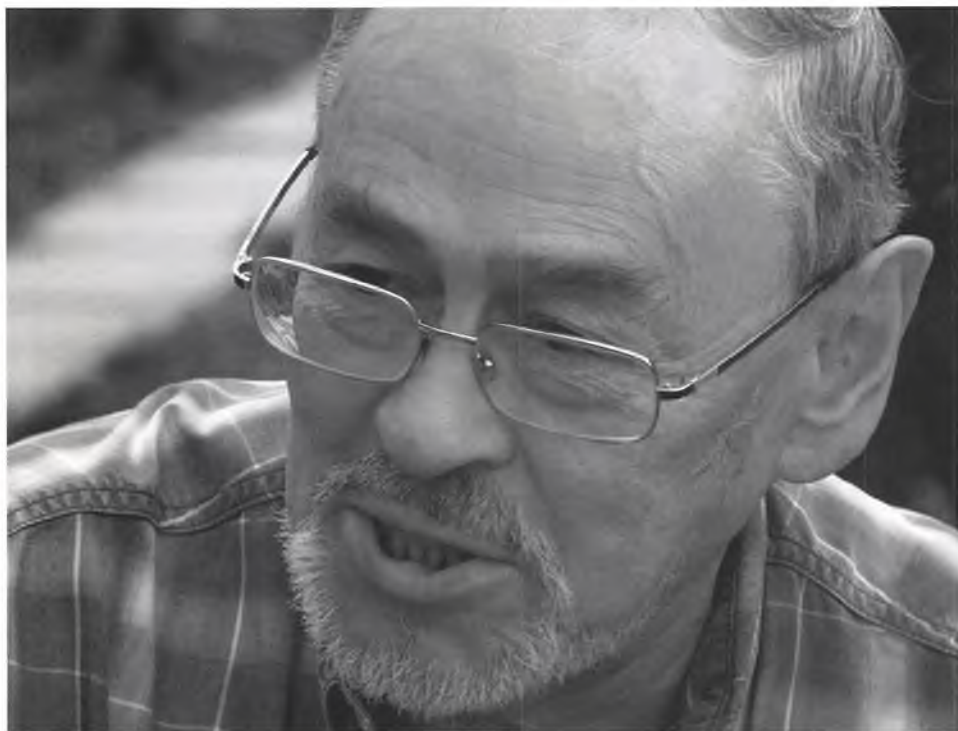
Судьба моя была решена.

Это еще что, сказал я, а на следующей остановке вы даже представить себе не можете, кто ждет...

Будущие родственники попытались представить и содрогнулись.

...Виктор — за работу на старом НТВ — в 2001-м стал «Золотым пером России».

А поэт Евтушенко Евгения Александровича представлять не буду. На следующей остановке, кстати, ждал именно он.

МИДХАТ ШИЛОВ

Телевизионщик, создатель и руководитель очень популярной когда-то передачи для подростков «До шестнадцати и старше...»

Сын репрессированного народа, спасенный от общей участи знаменитой писательницей Лидией Сейфуллиной, в доме которой и вырос. В первом классе, когда случился юбилей товарища Сталина, Шилов был отобран зачитывать приветствие вождю; на решающем собеседовании высокий чин вполне доброжелательно спросил: «А что это у тебя, мальчик, за имя такое, странное?» «Потому что я крымский татарин!» — звонко ответил тот. Повисла пауза. «Выйди, мальчик» — сказал наконец чин, а сопровождающий остался надолго.

Но для самого Шилова все обошлось.

Когда в 1983-м случился двадцатилетний юбилей «Алого паруса», Шилов добыл яхту, чтобы на ее борту снять интервью у трех наличных капитанов «АП» (Ивкин, капитан N 1, был в то время собкором «Правды» в Сиднее и отсутствовал по уважительной причине). Но выяснилось, что сам Шилов не умеет плавать и потому попытался нацепить на всех участников акции оранжевые спасжилеты («И по цвету будет красиво», — уговаривал Шилов). Мы с Щекочихиным гордо отказались, но мягкий и уступчивый Юмашев жилет (вместе с Шиловым) надел. Поэтому нас с Юрой расположили в каютке, а Юмашева привязали к мачте, и потом шесть часов мы ходили по Клязьминскому водохранилищу.

В результате, Лапин, председатель Гостелерадио, увидев отснятый материал, приказал: «Чтоб ни этого лысого (я), ни этого лохматого (Щекоч) в кадре не было!» Так что наши голоса шли именно за кадром, зато постоянно показывали лицо привязанного к мачте Юмашева, который улыбался и кивал в такт нашим словам, но сам в передаче ни слова, наоборот, не произнес.

ЛЕОНИД ШИНКАРЕВ

Легендарный известинский собкор по Восточной Сибири (аджубеевского призыва), автор знаменитых книг, один из лучших журналистов, которых я когда-либо видел или читал. На него очень хочется походить, но никак не получается.

В 2008-м он издал книгу, на которую я рискнул отозваться своей торопливой рецензией. Вот она, эта рецензия, с некоторыми сокращениями.

...Человек не виделся с другом восемь лет.

Они познакомились бог знает когда на краю земли, в Восточной Сибири, потом переписывались, иногда встречались, хоть и жили в разных

странах, но страны были, как это называлось, братскими, командировку выбить было вполне реально, тем более что иностранного друга сам Брежнев однажды попросил написать честную записку обо всем, что тот в СССР увидел, на что обратил внимание. И даже заранее пригласил, когда записка будет готова, обсудить ее где-нибудь на даче, без посторонних глаз... Это ведь, кое-что да значит, верно?

Вообще-то друзей было трое. Сибирский собкор «Известий» Леонид Шинкарев и великие чешские путешественники Иржи Ганзелка и Мирослав Зигмунд, объехавшие на своих «Татрах» весь мир и написавшие об этом книги, которые у нас в начале шестидесятых читал каждый грамотный.

Но честная (секретная) записка в нашем ЦК не понравится, даже обидит, встреча на даче не состоится, зато начнется «Пражская весна», в которой оба чеха примут более чем заметное участие. «Весну» раздавят гусеницы советских танков, отчего все эти путешествия по миру на «Татрах» прекратятся, уже отпечатанную стотысячным тиражом последнюю книгу пустят под нож, из партии обоих погонят, публиковать перестанут, чтобы как-то выжить, придется распродавать библиотеки и коллекции... В советских газетах их будут поливать последними стыдными словами, а письма от Шинкарева и Шинкареву станут доходить только от случая к случаю.

Кстати, когда уже во время перестройки Ганзелку в СССР все-таки пустят, и Шинкарев нас познакомит, и мы будем пить какое-то пойло в его кабинетике на Пушкинской площади, Ганзелка скажет, что после 1968 года Леня останется единственным советским, кто не прекратил с ними переписываться...

Согласитесь, что это тоже чего-то стоит.

Так вот, они не виделись восемь лет. Шел 1972-й. Шинкарев по редакционным делам оказался в Будапеште, и известинский собкор Тер-Григорян на своей машине с венгерскими номерами безо всяких виз сумел перевезти его через границу. До Праги добрались к ночи, отыскали знакомый Шинкареву дом, и оставив машину за квартал, он постучался к Ганзелке. Дальше цитата.

«Когда мы, наконец, отпустили друг друга и вытерли мокрые глаза, я сказал, что приехал не один, в машине за углом мой приятель Саша Тер-Григорян.

Никогда раньше я не видел Иржи таким растерянным. Он напрягся, замотал головой, стал похож на раненого зверя.

— Ленька, извини, но никого из советских, кроме тебя, я видеть сейчас не могу. Никого! Ты это должен понять.

— Иржи, — сказал я, — Саша здесь не как «советский», он мой друг, и он, рискуя, привез меня к тебе из Будапешта.

Мы стояли, не шевелясь.

— ...Хорошо, приведи друга.

Едва мы вошли в дом, Иржи, сделав нам знак рукой помолчать, задержал гобеленовые шторы на окнах. Из дома напротив за его квартирой ведется наблюдение. Там постоянный пост, специальная аппаратура прослушивает и записывает сквозь оконные стекла разговоры в доме. Шторы задерживают лучи, Иржи, наученный опытом, как в детективном фильме, включил еще и радиоприемник, и пускает воду из крана в ванной. Мне показалось, Иржи разыгрывает нас, но он серьезен и сосредоточен...

За задернутыми шторами, под невыключенный радиоприемник, они просидели и проговорили сутки. Потом гости отправились обратно в Будапешт. Как ни фантастически это звучит, все обошлось...

...Дочитав книгу, я позвонил Шинкареву: «Леня, об этой истории я не знал!..» Он ответил: «Я о ней никому не рассказывал».

Шинкарев написал потрясающую книгу. Скажу хотя бы, что за двадцать лет работы над ней журналист собрал на диктофон несколько десятков своих диалогов с участниками событий 1968 года. Уже потому подобной книги у нас больше не будет и быть не может: с теми, с кем успел поговорить Шинкарев, поговорить уже не получится никому. Член Политбюро ЦК КПСС Мазуров, в августовские дни лично (под псевдонимом «генерал Трофимов») прилетавший в Прагу и непосредственно руководивший процессом; главком Сухопутных сил генерал Павловский, командовавший силами вторжения; офицеры, ставшие комендантами взятых без выстрела городов; солдаты, которые до последней минуты не представляли себе, куда они и зачем; советский посол в Праге Червошенко; спичрайтер Брежнева Бовин; чешские реформаторы — Дубчек, Млынарж, Гаек; уже ставший президентом Чехословакии драматург Гавел; их оппоненты (из числа «конструктивных сил»), поставившие свои подписи под «приглашением» чужих войск; советские диссиденты, по одиночке (всемером!) спасавшие честь отечественной интеллигенции под завывания труб и гром барабанов официальной пропаганды; журналисты, дипломаты, ученые, разведчики; те, кто врал тогда и те, кто не говорит всей правды сегодня; те, кто все наконец понял, и те, кто до сих пор думает, что каяться ему не в чем... Их голоса то сливаются, то сталкиваются, но выслушаны — внимательно и уважительно — все.

Шинкарев, чья собственная позиция предельно четка, сумел не исказить, не прервать даже самых несимпатичных ему собеседников, не

опустился даже до вполне уместной злой иронии по отношению к ним. И тем более — до столь легкой (задним числом) раздаче оценок правым и виноватым.

Но как он сумел «разговорить» их всех? Почему они все поверили, что он поступит по отношению к ним — ко всем — уважительно и честно?

И — информация, информация, информация!.. Он пишет то, чего до него не знали, не писали, он пашет никем не пройденную за сорок лет целину. Ни одного заемного факта, ни одной списанной мысли — лишь то, что увидел сам, сам передумал, сам раскопал, пробившись в самые недоступные архивы, к самым недоступным, по сю пору засекреченным людям.

Зачем это только ему понадобилось, этот каторжный труд, эта далекая, давно пройденная история не существующих уже государств?

И ладно — ему, Шинкареву. А нам-то зачем?

«...В середине ноября 1982 года, когда Л. И. Брежнев хоронили у Кремлевской стены, офицеры службы безопасности заканчивали осмотр его рабочего кабинета. В ящике письменного стола они обнаружили семнадцать машинописных страниц: «Некоторые замечания по вопросу подготовки военно-политической акции 21 августа 1968 г.» Ни подписи, ни даты. Только три уведомления на первой странице в верхнем правом углу: «для устного доклада», «экземпляра единственный», «строго секретно». Похоже, ее составил кто-то из близкого круга. Иной не решился бы испытывать брежневское тщеславие и указывать на просчеты операции, изучаемой в военных академиях как образцовая. Но поразительней всего оказалась обозначенная цель документа: «извлечь необходимые уроки на будущее».

Стало быть, новые вторжения войск прогнозировались, выглядели неизбежными. В разгоряченных умах Прага оставалась учебным полигоном для отработки грядущих, более масштабных, военных действий. За Чехословакией последует Афганистан, а кремлевская мотивация будет та же: «опередим врага или погибнем!»

С этого начинается книга.

А вот так она заканчивается.

«...Мой приятель когда-то работал в Праге:

— Я всегда осуждал ввод войск в Чехословакию, до сих пор считаю это ошибкой. Но теперь, после того, как чехи, пусть символически, но участвовали в акции США против Югославии, когда послали своих солдат в Ирак, а теперь хотят строить американскую станцию слежения, они должны пересмотреть взгляд на события 1968 года. Разве у нас тогда не

было права на защиту своих стратегических интересов? Или американцам можно, а нам нельзя? Знаешь, я даже рад, что чехи так себя повели. Они сняли камень с моей души. У меня больше нет перед ними чувства вины за 1968 год. Хватит! Мы больше никому ничего не должны. Нельзя великой России идти вперед с головой, повернутой назад. Ты меня понимаешь?

Как не понять.

...Существует и другое восприятие. Узнавая из газет о том, как хорошо — по мнению политиков — сегодня ведут себя страны-соседи, и Чехия в их числе, при этом наблюдая, как у нас крепнет культ силы, военной мощи, многие снова опасаются за возможные непредсказуемые действия властей. Не надо за прошлое каяться, все слова уже сказаны, лучше учиться слышать других, пусть малых, даже слабых, считаться с ними и стараться договариваться. Размеры земли у нас разные, но естество земли одинаково, не различить.

Мне эта психология ближе».

Книгу Шинкарева «Я это все почти забыл... Опыт психологических очерков событий в Чехословакии в 1968 году» я бы изучал на факультетах журналистики, как отдельный предмет. Ну, и на истфаках, разумеется, тоже. И, конечно, на стол действующим политикам — каждому.

Правда, издана она тиражом 1000 (тысяча) экземпляров, и на всех политиков ее не хватит.

В печать она подписана 20 июня 2008 года. Интересно, каким тиражом издадут через сорок лет такую же книгу — о Грузии? И кто из моих современников напишет ее?

ЮРА ЩЕКОЧИХИН

Маленькой компанией мы встречали Третье Тысячелетие. Что-то не веселилось. Но, как всегда, сколько я его помню, он повторял, обнимая друзей, настойчиво и убежденно: «Нас много!.. Нас много!..»

Наконец, сели за стол. Перед самым боем курантов я достал фотоаппарат, по кругу «щелкнул» каждого.

Получился только кадр с Юркой.

Его было легко передразнивать. Скажем, заложить руки в карманы джинсов и, раскачиваясь, выкрикивать в воображаемый микрофон: «Ж-журналистика... эт-то... не профес-сия... это... образ ж-жизни!..» Передразнивать было легко. Жить, как он, не удавалось никому.

Он не только любил тех, с кем рядом работал, и уже потому считал их талантливейшими в мире людьми. Каждый раз он самозабвенно влюблялся и в тех, о ком писал, его герои немедленно становились не только его друзьями, но и друзьями его друзей, внедрялись в безразмерную его компанию. Кого только не тащил раздрызганный автобус через грязные пригороды на дальнюю столичную окраину, в Очаково, в однокомнатную квартирку на первом этаже, счастливо названную кем-то из нас «крейсером». И точно так же в последние годы этих же и других, новых гостей электрички и (теперь уже у кое-кого появившиеся) машины несли в Переделкино, где Юркина литгазетовская дача волшебным образом немедленно приобрела все те же неискоренимые черты неприкаянности счастливой общаги. Где Юра, уже порой появлявшийся на людях в галстук, был так же отринут от быта и так же благоговел перед каждым способным самостоятельно поджарить яичницу. Если, конечно, умелец мог в холодильнике зампреда думского комитета отыскать яйца. А в буфете — сковородку...

Когда-то, еще в «старом» «Московском комсомольце», где мы оба тогда работали, юный еще Щекочихин две, кажется, недели проучился под чужим именем в десятом классе, о «внутренней жизни» которого хотел написать. Материал не получился. Но десятиклассник с его парты, которого Юра самонадеянно взялся подтягивать по всем (самим забытым) предметам, — остался. Так же как через тридцать лет остались «подобранные» в чеченских командировках спецназовцы. И старший прапорщик Саша (несмотря на три представления так и не получивший Героя: не нашел трех тысяч «зеленых», чтоб обеспечить прохождение документов), сам давно ставший для всех нас «своим», однажды (на последний для Юрки «старый» Новый год) привез к нему сразу семерых солдатиков (показать Москву), поселился с ними со всеми у Щекочихина, откуда ребята и совершали свои вылазки в столицу. Жили неделю.

Боже, кто только не становился частью его единственной жизни! Сыщики, спартаковские фанаты самого первого разлива, кинорежиссеры, космонавты, выпущенные из тюремных камер невинно осужденные с расстрельными статьями, непризнанные (и очень признанные) поэты... Кого только здесь, рядом с ним, не было. Однажды я заночевал в Очаково на полу, и на том же полу спал Герой Союза, генерал-лейтенант, командующий авиацией округа...

Там где он жил, могло не хватать стульев или вилок, но бесконечная череда людей, которым не хватало стульев и вилок, — была всегда. И всегда были нескончаемый треп «за жизнь», и гитара переходила из

рук в руки, и Юрка отчаянно перевирал слова и мелодии, но даже авторы мелодий и слов, оказываясь за этим столом, никогда не корили его за это вранье. Пожалуй, кстати сказать, это было единственное вранье, которое он себе мог позволить.

Свою первую заметку, еще школьником написанную, он назвал: «Я леплю!» Писал о себе — о том, как ходит в Исторический музей, срисовывает мундиры старинных полков и лепит по этим рисункам гренадеров, улан и кавалергардов. Потом, лет через десять, мы случайно нашли за шкафом пыльную коробку с этими солдатиками. Юра смущенно огрызался, куда дел коробку — не знаю. Потом, лет уже в восемнадцать, он написал повесть о декабристе Луние, но здесь его обогнал Эйдельман, и повесть тоже канула в Лету. А Юра — остался. Так и не исправленным жизнью романтиком, азартным и наивным, хоть и рано поседевшим. Я не знаю, как он в официальной обстановке разговаривал с королями и президентами, но рваный, захлебывающийся ритм его устной речи не то что не добавлял солидности — убивал даже намеки на нее. Да и бог с ней.

Образу жизни не изменил ни разу. Другьям — ни разу. Профессии — ни разу.

...Даря книжку со своей повестью «Жизнь после», он написал мне: «Мы еще не старые, хотя уже выросли!»

Но сам — не вырос.

ГЕНРИХ ЮШКЯВИЧЮС

Легендарный зампред Гостелерадио СССР, плодами модернизаторской деятельности которого до сих пор пользуются обитатели «Останкина». В 90-е годы был первым зам гендиректора ЮНЕСКО, сейчас его советник.

Пару лет назад мы встретились в Пекине, на каком-то высоком собрании. Накануне Генрих прочел в местном университете лекцию, был оттого сказочно богат и, ссылаясь на это обстоятельство, зазывал в дорогущий кабак для интуристов. Но я, которому лекций никто читать не доверял, накануне случайно наткнулся на местную забегаловку, где столики были пластмассовые, разномастные ложки — гнутые, там сидели китайские жители в майках-алкоголичках, а местная старушка со своей кастрюлькой приходила за порцией пельменей, и ни на каком языке кроме китайского здесь не говорил никто. Рыбу с неприятным лицом, которая плавала во подобии аквариума и на которую я указал пальцем, принесли сваренной с красным перцем в огромном алюминиевом тазике, и ничего вкуснее я никогда не ел, а заплатил за нее копейки... В общем я притащил Генриха туда. Съели два тазика той самой рыбы (вместо второго Юшкявичюс требовал морских гадов, и я даже пытался нарисовать их на салфетке, салфетку официантка уважительно показывала посетителям в майках, но гады остались неузнанными, и мы повторили рыбу с неприятным лицом; на нее, повторяю, было достаточно показать пальцем). Генрих сказал, что ничего вкуснее в жизни не ел; я улетел на следующий день в Москву, а Юшкявичюс перетаскал в забегаловку весь президиум высокого собрания разных национальностей, причем некоторые, утверждая, попросили в забегаловке гастрономического убежища навсегда.

Гонорар за лекцию в юанях Генрих увез из Пекина почти полностью, ибо даже чаевых в забегаловке у него не брали.

ВИКТОР ЯРОШЕНКО И ЕГОР ГАЙДАР

Витя с красным дипломом закончил Московский энергетический институт по секретной атомной специальности. Но все студенческие годы писал в «Московском комсомольце», и редакция выдала ему письмо с просьбой распределить молодого специалиста непосредственно — в газету. Никто на такое, естественно, решиться не мог, и в результате Витя пробился на прием к легендарному министру Непорожнему. Ну что, сынок? — отечески спросил министр, и Ярошенко подал ему эту самую бумагу. И министр прочитал: у Виктора тонкий лирический слад души... он пишет стихи... Непорожний побагровел и, рвя бумагу пером, начертил: «К е... матери его из отрасли!..» Так Ярошенко стал журналистом.

После «МК» он работал в журнале «Сельская молодежь», потом — в «Коммунисте», возглавлял отдел публицистики в «Новом мире». После 1991-го редактировал журнал «Открытая политика», сейчас — возглавляет «Вестник Европы». В 1997 году мы с ним придумали и назначили себя сопредседателями либерального журналистского «Клуба-97», который бесславно прекратил существование меньше чем через год: российская либеральная журналистика не смогла преодолеть как раз тогда обострившихся разногласий между своими начальниками-олигархами.

Егор Тимурович тоже был членом нашего клуба. Кстати, он — последний лауреат премии Союза журналистов СССР, каковую получил за свои экономические очерки, опубликованные в 1990 году.

ГДЕ КОГО ИСКАТЬ В ЭТОЙ КНИГЕ:

Алик Абдулгамидов	9
Николай Андреев	11
Александр Аронов	14
Всеволод Арсеньев	18
Константин Барыкин	20
Юрий Батурин	21
Александр Бовин	29
Всеволод Богданов	81
Николай Боднарук	31
Алла Боссарт	71
Леонид Велихов	105
Павел Воцанов	33
Егор Гайдар	170
Ярослав Голованов	35
Анатолий Головков	42
Эдуард Графов	45
Лидия Графова	46
Сергей Грызунов	48
Владимир Губарев	46
Руслан Гусаров	9
Лев Гуцин	49
Юрий Данилин	50
Евгения Двоскина	54
Абов Джуликян	55
Елена Дьякова	56
Валерий Евсеев	96
Евгений Евтушенко	156
Геннадий Жаворонков	57
Олег Жадан	57
Леонид Жуховицкий	62
Василий Захарько	66
Михаил Златковский	67
Иван Зюзюкин	69

Вячеслав Измайлов	70
Игорь Иртеньев	71
Нелли Исмаилова	79
Сергей Каледин	101
Али Камалов	72
Владимир Кара-Мурза	73
Владимир Касютин	74
Анатолий Кобенков	146
Сергей Адамович Ковалев	100
Станислав Кондрашов	75
Валерий Коновалов	88
Александр Копейка	77
Игорь Корольков	78
Владлен Кривошеев	79
Иван Дмитриевич Лаптев	81
Александр Левиков	84
Леонид Левин	87
Сергей Лесков	88
Геннадий Лисичкин	90
Виктор Литовкин	91
Анатолий Лысенко	92
Лариса Малюкова	56
Дмитрий Мамлеев	93
Давид Маркиш	94
Александр Минеев	95
Николай Михайлов	96
Адам Михник	21
Леонид Млечин	98
Василий Мосеев	99
Дмитрий Муратов	100
Акрам Муртазаев	101
Михаил Ненашев	103
Олег Нехаев	105
Леонид Никитинский	106
Дмитрий Остальский	107
Григорий Пасько	78
Василий Песков	108
Ирина Петровская	120
Андрей Пионтковский	111

Альберт Плутник	112
Инга Преловская	114
Кирилл Привалов	116
Александр Проценко	117
Юрий Пургин	119
Борис Резник	120
Леонид Репин	122
Александр Ригин	124
Марк Розовский	125
Александр Романов	126
Юрий Рост	127
Инна Руденко	35
Станислав Сергеев	122
Федор Сизый	129
Алексей Симонов	132
Владимир Снегирев	134
Сергей Соколов	135
Юрий Соломонов	136
Людмила Телень	67
Игорь Труфанов	138
Юрий Феофанов	139
Виктор Хенкин	140
Валерий Хилтунен	143
Олег Хлебников	146
Татьяна Худякова	114
Андрей Чернов	148
Вадим Черняк	150
Илья Шатуновский	154
Виктор Шендерович	156
Мидхат Шилов	158
Леонид Шинкарев	160
Юрий Щекочихин	165
Генрих Юшкявичюс	168
Виктор Ярошенко	170

Павел Семёнович Гутионтов
НЕ ВСЁ РЕЗКО
Друзья, учителя, дружки, товарищи, коллеги

Верстка и оформление:
Наталья Введенская

Подписано в печать 5.09.2013.
Формат 70×90/16. Тираж 1000.
Гарнитура Officina.
Бумага мелованная.

Союз журналистов России
119021, Москва, Зубовский бульвар, 4
www.ruj.ru

Отзывы и комментарии можно передать автору по почте:
gutiontov@mail.ru

Отпечатано
ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»
М.О., г. Подольск, Революционный проспект, 80/42
Тел./факс: 8 (4967) 63 71 32
www.ofsetpodolsk.ru
Заказ 10936.

УДК 070
ББК 76.01
Г97

Гутионтов П. С.

Г97 Не всё резко: Друзья, учителя, дружки, товарищи, коллеги. — Москва: Союз журналистов России, 2013. — 176 с.

ISBN 978-5-7151-0261-8

Новую книгу Павла Гутионтова составили почти сто фотопортретов тех, кто определял лицо российской журналистики последней трети XX века. Голованов, Щекочихин, Инна Руденко, Песков, Кондрашов, Лисичкин, Бовин, Шинкарев, Плутник... Практически со всеми ними автор работал в одних редакциях, дружил с ними, учился у них. Книга во многом носит полемический характер: то отношение к своей профессии, какое исповедовали (и исповедуют) герои книги, их понимание этой профессии, самого места и роли журналиста в этом мире, сейчас пытаются представить безнадежно устаревшими, даже вредными, чуть ли не тянущими назад, в тоталитаризм, в эпоху печати — «верной помощницы партии». Автор убежден, что это не так.

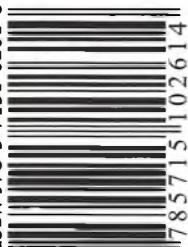
УДК 070
ББК 76.01

ISBN 978-5-7151-0261-8

© Гутионтов П. С., 2013
© Союз журналистов России, 2013

ISBN 978-5-7151-0261-8

9 785715 102614

ПАВЕЛ ГУТИОНТОВ

Профессиональный путь начал в 1970 году в «Московском комсомольце», затем десять лет в «Комсомолке» — «капитан» «Алого паруса», зав. отделом науки, два года в «Советской России» — специальный корреспондент, зав. отделом молодежных проблем, с 1987-го — внутривполитический обозреватель «Известий», с 2007-го — колумнист «Делового вторник». Автор шести книг и многочисленных коллективных сборников. В 1991-м избирается секретарем Союза журналистов СССР, с 1993-го — секретарь Союза журналистов России, председатель Комитета по защите свободы слова и прав журналистов. Лауреат премий Союза журналистов Москвы (1977, 1990), «Золотое перо России» (2000), неоднократный номинант премии им. А. Д. Сахарова «За журналистику как поступок».